Хищный аленький цветочек

Автор:
Дарья Донцова

Хищный аленький цветочек

Дарья Донцова

Любимица фортуны Степанида Козлова #8

Почему все мечтают по-своему устроить личную жизнь визажиста Степаниды Козловой? Вот и бабуля Белка, прознав, что любимая внучка собирается замуж за провинциального дизайнера Егора, тут же подняла на уши всю родню. Белке невдомек, что Егор полицейский и на самом деле Степа выполняет важное задание! Они с «женихом» должны втереться в доверие к хозяйке художественной галереи Елене Козиной – именно к ней ведут следы похожих преступлений: кто-то убил двух человек, устроив им перед смертью настоящий суд. Жертв ничего не связывало, кроме странных картин-открыток, полученных незадолго до отправки в мир иной. Их могли написать только в студии при галерее Козиной!.. Степа еще не знала: Егор – не самое страшное испытание. Впереди ее ждет вечеринка знакомств с целой вереницей женихов, один из которых продавец селедки, второй – Кентавр, а третий – Терминатор!

Дарья Донцова

Хищный аленький цветочек

© Донцова Д.А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

– Если девушка овца, то она непременно выйдет замуж за барана, даже если у нее под окном все время стоит лев с букетами роз.

Мне следовало сделать вид, что не услышала обидную фразу, но по утрам я не всегда способна справиться с эмоциями, поэтому села в кровати, зажав в руке телефон, звонок которого разбудил меня, и сердито спросила:

– Что ты сказала?

– Ну… ничего, – сразу дала задний ход моя коллега Настя Поветкина.

– Про овцу и барана, – уточнила я. – А еще интересно, кто у нас лев с цветочками? Сделай одолжение, назови его фамилию, имя, отчество, год рождения, адрес и номер телефона. Может, я и овца, но мне стало очень любопытно, о ком ты сейчас говоришь. И кто у нас лев?

– Степа, не обижайся, – заныла Настя. – Знаешь, зачем подруги нужны? Чтобы остановить тебя, если ты делаешь глупость.

– Спасибо за трогательную заботу, – еще сильнее разозлилась я. – Как-нибудь сама наведу порядок в личной жизни. Меня пугают люди, которые, не сняв грязные ботильоны, лезут в чужую душу и пытаются устроить там все по

собственному усмотрению.

– Я тебе добра желаю! – возмутилась Поветкина. – Можешь сколько угодно злиться, но твой Егор натуральный козел!

Я потянулась за халатом.

– Овцы не заводят шашни с козликами, значит, либо Бочкин баран, либо я коза.

– Смейся-смейся, – закричала Настя, – можешь навсегда со мной разругаться, но я скажу правду: ты и Егор – это как бриллиантовое колье и коровник, то есть несовместимые понятия. Знаю, неприятно это слышать, но лучше открой глаза и внимательно посмотри на жениха. Мало того что он осел…

– Баран, козел, осел, – перебила я. – Ты уж определись с парнокопытным, а?

Но Поветкина не отреагировала на мою фразу, а договорила свою:

– Так еще подбивает невесту на глупости. Весь «Бак» гудит: Козлова увольняется.

– Нечего слушать сплетни! – огрызнулась я, идя в ванную. – Я не собираюсь расставаться с Франсуа Арни, мне и в голову не придет уходить от Звягина. Просто я взяла отпуск. До свидания, дорогая, о дате свадьбы извещу заранее. Хочешь поймать букет новобрачной? Могу швырнуть его прямо тебе в лапки.

Настя издала стон, но я быстро ткнула пальцем в экран телефона и уставилась в зеркало. Доброе утро, Степа, прекрасного тебе дня! Правда, похоже, ничего хорошего сегодня не произойдет – при таком-то приятном пробуждении.

Я выдавила из дозатора немного пенки для умывания, намылила лицо и услышала бодрую мелодию, извещающую о вызове от бабушки. Изабелла Константиновна словно чует, когда внучка встала под душ, уютно устроилась в туалете или впервые за день собралась быстренько перекусить! Иногда мне кажется, что три-четыре раза в сутки у Белки перед носом загорается лампочка, а потом в ушах раздается голос: «Степа пошла в сортир! Немедленно звони ей!»

К сожалению, проигнорировать вызов бабули нельзя. Если я сразу не отвечу, она занервничает, в ее голове начнут возникать картины одна страшнее другой. Ну, например, меня похитили марсиане, или схватили на улице посланцы страны Тумбо-Мумбо и отвезли в гарем своего царька, или заманили в салон автомобиля, и теперь он спешит в лабораторию, где мне вырежут почки, печень, желудок, легкие, сердце и мозг до кучи, чтобы пересадить их больному олигарху…

Не знаю почему, но Белке всегда представляются фантастические ситуации. И не понимаю, отчего бабуля не нервничает, когда в принципе действительно следовало бы напрячься. Ну, например, не думает об авиакатастрофах. Я летаю по всему миру, иногда вместе со своим шефом Франсуа Арни, и порой меняю за неделю несколько стран. Но Изабелла Константиновна, узнав, что ее внучка направляется из Мельбурна в Париж, а затем в Токио, лишь заботливо советует:

– Не бери в лайнере на обед рыбу, она может оказаться несвежей. Лучше овощи съешь, от них меньше вреда для здоровья.

Один раз я сказала бабушке по телефону:

– Прости, не могу сейчас говорить. В Нью-Йорке полночь, льет дождь, одна иду по Гарлему, такси нигде нет. Соединюсь с тобой чуть позже, когда выберусь из одного из самых неблагополучных районов Большого яблока[1 - Большое яблоко – самое известное прозвище Нью-Йорка, появившееся в 20-х годах прошлого века. По одной из версий, оно возникло в среде джазовых музыкантов, которые говорили: «На дереве успеха много яблок, но если тебе удалось завоевать Нью-Йорк, ты получил Большое яблоко». (Прим. автора.)], где не рекомендуют доставать из сумки мобильный, – выпалила я.

И тут же разозлилась на себя: сейчас бабушка испугается, заахает-заохает, зачем я заставила ее нервничать! И что вы думаете? Белка отреагировала иначе. Она бодренько поинтересовалась:

– Ты прихватила зонтик? Смотри, не простудись. Ладно, звякни, когда освободишься.

Хорошо зная эту ее особенность, я с пенкой на лице зажмурилась и схватила трубку.

– Привет, ба.

– Как дела? – воскликнула Изабелла Константиновна. И, не дожидаясь моего ответа, затараторила: – Степашка, мы с Димой рады, что ты познакомилась с приятным молодым человеком.

Вот здорово! Слух о моем романе с Егором Бочкиным добрался и до Белки, причем много времени ему на путешествие не понадобилось. Всего три дня назад Егор появился в «Баке», и я на вопрос Насти «что это за чудо в красных носках со стразами?» спокойно ответила: «Мой жених Гоша». Естественно, языки коллег заработали со скоростью электрокофемолок. Я понимала, бабуля непременно узнает новость, потому что весной сама привела на работу в бутик дочь одной из ее подруг, которая тут же доложит матери о матримониальных планах Степаниды Козловой, а та в свою очередь Белке, но все же надеялась… А на что я, собственно, надеялась?

Вздохнув, я включила громкую связь, положила трубку на край мойдодыра и начала умываться под аккомпанемент речи бабули.

– Когда ты приедешь к нам в гости? Мы с Димой соскучились.

Вода попала мне в нос, и я чихнула.

После того как бабушка вышла замуж за режиссера Барашкова, она перестала осознавать себя отдельной личностью. Раньше Изабелла Константиновна часто употребляла личное местоимение единственного числа, а теперь «я» изгнано из ее лексикона, вместо него Белка предпочитает «мысдимой».

Только не подумайте, что я принадлежу к категории эгоистичных особ, которые, узнав, что их мама-папа или бабушка-дедушка, долгое время жившие в одиночестве, собрались в загс, капризно ноют: «Бросаешь меня! Не любишь! Не смей расписываться с посторонним человеком!» Нет, я довольна, что Белка счастлива. Просто как-то раз я работала с Барашковым в одном проекте и никакого удовольствия от общения с ним не получила. А потом я некоторое время жила у Димы дома, и ничего хорошего из этого не вышло[2 - Ситуация, о которой вспоминает Степа, описана в книге Дарьи Донцовой «Княжна с тараканами», издательство «Эксмо».]. Нет, мы с ним улыбаемся друг другу при встречах и мило беседуем, но весь политес исключительно ради Белки, которая

наивно считает внучку и супруга наилучшими друзьями. Однако справедливости ради скажу: Барашков обожает жену, и за это я готова сидеть с ним по праздникам за одним столом и изображать самые теплые к нему чувства.

– Прекрасно, что твоя личная жизнь налаживается, – щебетала бабуля. – Кстати! У меня маленькая просьба. У одной из наших с Димой родственниц есть сын. Чудесный, красивый, интеллигентный, достойный во всех отношениях парень. К тому же без материальных проблем – квартира, машина, собственный бизнес с великолепной перспективой.

Мыло попало мне в глаза, и я, стараясь не запищать, начала горстями плескать в лицо воду.

– Дала ему твой телефон, – пропела Белка.

Я непроизвольно разинула рот, пена незамедлительно сползла на язык, стало горько.

– Он непременно позвонит, – не останавливалась Изабелла Константиновна. – Мальчик хочет купить хороший костюм, сменить имидж. Мы с Димой сказали ему, что у тебя лучший вкус в Москве, что ты работаешь в фэшн-бизнесе. Ты меня слушаешь?

Пуская мыльные пузыри, я откликнулась:

– Очень внимательно, бабуля.

– Поможешь пареньку? Он замечательный человек.

– Конечно, – заверила я, – пусть звякнет.

– Белка, нам пора, – послышался на заднем фоне голос Барашкова, и бабуля, забыв попрощаться, отсоединилась.

Я вытерла лицо полотенцем и, посмотрев в зеркало, скорчила рожу. Все понятно!

Настя действовала напролом, дипломат-то из Поветкиной никакой. Поэтому она позвонила мне с утра пораньше и высказалась в отношении Егора вполне конкретно: Бочкин, по ее мнению, козел, баран и осел, а я овца, раз собралась за него замуж.

Белка же намного умнее и воспитаннее моей коллеги по работе. К тому же бабуля расчудесно знает, что если сказать мне: «Боже! Где ты откопала такого претендента на свою руку? Ведь полный же идиот!» – то я из простого человеческого упрямства прямо сегодня поставлю в паспорте штамп и стану мадам Бочкиной. На следующий день, конечно, горько пожалею о совершенной глупости, но, сцепив зубы, проживу с мужем пятьдесят пять лет и пять дней, чтобы доказать всем, что я беспредельно счастлива. Изабелла Константиновна знает, что я терпеть не могу, когда люди пытаются заставить меня поступать так, как хотят они. Да, на работе я идеальный сотрудник, быстро и четко выполняющий указания Романа Звягина и Франсуа, но лезть в свою личную жизнь не разрешу никому. Потому Белка и пошла на хитрость.

Она насторожилась и расстроилась, узнав о скоропалительной помолвке внучки, принялась пить успокаивающие капли. Барашков бросился утешать любимую жену, а потом небось обзвонил своих знакомых со словами: «Необходима помощь. Степа попала под влияние неподходящего мужчины, думайте, как нам расстроить ее предстоящее замужество. Они успели оттащить заявление в загс, надо поторопиться».

Я уже говорила, что не в восторге от супруга бабушки, но ради объективности следует отметить необычайно широкую душу режиссера. К близким родственникам он причисляет, например, четвертую жену пятого мужа племянницы своего троюродного брата. К слову сказать, все Барашковы таковы. Если ты, случайно проходя мимо, коснулась краешком платья руки девятого внука дедушки тети второй супруги Диминой бабушки от его седьмого отчима, то все, ты теперь родная навек. Тебя станут опекать, хвалить, ругать, воспитывать, никогда не бросят ни в беде, ни в радости и доведут заботой и вниманием до нервного припадка. Если с кем-то из гипертрофированно разветвленного клана Барашковых случается неприятность, все его члены перезваниваются, сплачиваются, выстраиваются боевой колонной и, размахивая копьями, идут спасать терпящего бедствие.

Что же в этом плохого, спросите вы? Ведь, наоборот, здорово, когда вокруг тебя много неравнодушных людей. Оно так, но в каждом мешке со вкусной

и полезной гречневой крупой всегда лежит мышиная какашка. А в случае с Барашковыми какашка довольно большая. Семья мыслит коллективно, и если она пришла к мнению, что я выбрала неподходящего жениха, то ей плевать на мои чувства. «Надо уберечь девушку от глупости!» – думают все члены клана. Наверняка спешно созванный Димой семейный совет решил: «Степа взбрыкнет, если мы ей просто начнем капать на мозг. Клин клином вышибают, познакомим неразумную внучку Белки с хорошим парнем, и она бросит своего неандертальца». Вот по какой причине бабуля дала мой телефон прекрасному во всех отношениях кадру и спела песню про покупку для него костюма.

Ладно-ладно, если и коллеги, и Барашковы, и бабуля продолжат свои происки, мне в самом деле придется выйти замуж за Егора. Может, он и не столь противен?

Я схватила зубную пасту, попыталась отвинтить колпачок у тюбика, испытала прилив злости, вылетела из ванной и помчалась в комнату, где временно поселился Бочкин. Нет, связать свою судьбу с таким человеком, как Егор, невозможно! Он ужасен! Ну почему я согласилась на эту авантюру? Отчего пошла на поводу у Вадима Олеговича и Николая Михайловича?

Я пнула дверь спальни и закричала:

– Бочкин! Хватит дрыхнуть!

Глава 2

Гора одеял на кровати зашевелилась, показалась голова с всклокоченными волосами и лицом, украшенным огромными, черными разводами туши под глазами.

Я сунула Егору под нос тюбик.

– Это что?

– Зубная паста, – ответил тот и зевнул.

Меня подбросило на реактивной метле.

– Почему тюбик завернут внизу? Какого черта ты пропихнул содержимое наверх?

Бочкин сел, и мне неожиданно стало смешно. Интересно, где он раздобыл пижаму с принтами в виде разноцветных собачек? Неужели сам купил? Или это подарок девушки? Впрочем, сомневаюсь, что таковая у Егора имеется – мужчина, который носит красные носки, коричневые мокасины и синие джинсы, совершенно точно одинок. У него нет даже кошки, любую киску стошнит от вида хозяина.

– Доброе утро, – прохрипел Егор. – Чего ты раскипятилась?

Я попыталась говорить дружелюбно.

– Что ты сделал с зубной пастой?

Бочкин потер щеки ладонями.

– Ничего.

– Нет! – топнула я ногой. – Она так раньше не выглядела!

– В стакане стояло нечто пережмаканное, – пожал плечами женишок. – Ты, похоже, давишь пасту с середины тюбика, а надо сверху.

– Да ну? Окончил в университете факультет правильного использования содержимого банок, бутылок, тюбиков и прочего? – зашипела я. – Не смей наводить порядок в моей ванной, ничего там не трогай! Не хватай мои шампунь, гель, кондиционер, купи свои. И опускай круг унитаза. Кстати, подбери носок, который валяется у корзинки для белья. И не вздумай ею пользоваться!

– Куда же мне бросать грязное белье? – заморгал Бочкин.

– Не знаю. Развесь на кухне, на люстре самое подходящее место, – фыркнула я.

Егор приоткрыл рот, но я уже не могла остановиться:

– Почему ты похож на панду? Можешь не отвечать, сама вижу, что вчера не смыл с глаз тушь, подводку и тени. Я же тебя предупреждала о необходимости тщательно снимать на ночь макияж, дала кучу очищающих средств. И что? Значит, так! Сейчас я пойду в душ, через пятнадцать минут приду на кухню. Там уже должен сидеть ты – умытый, выбритый, с чистой головой и ласковой улыбкой, слегка пахнущий одеколоном. Слегка! Не выливай на себя литр парфюма!

– Где же мне помыться, если ты займешь ванную? – робко поинтересовался женишок.

Я пошла к двери.

– Выйди из квартиры на лестницу, спустись на один пролет, увидишь в стене дверь, за ней санузел. Отныне будешь пользоваться им. Я предупрежу Несси, она не станет возражать.

– Несси? – повторил парень. – Тут живет Лохнесское чудовище? И ты шутишь по поводу ванной между этажами?

– Я серьезна, как никогда, – ответила я. – Действуй, времени мало. Нам через час убегать.

– Кто такая… – начал Егор.

Но его дальнейшие слова заглушили грохот и счастливый собачий лай. Потом раздалось резкое «бум». Следом послышались лязганье, скрип и громкий голос Агнессы:

– Ну вы и разожрались! Этак я скоро авек ву[3 - С вами – испорченный французский.] нишьт ин кабин путешествовать не смогу[4 - В кабине путешествовать не смогу – до невозможности исковерканный немецкий.].

– Это что было? – прошептал Бочкин.

Я обернулась. Надо все-таки дать парню некоторые объяснения.

– Шумел лифт. Он находится на внешней стороне здания. В доме две квартиры. Внизу живут Агнесса Эдуардовна, ее сын Николай, внук Василий, которого все зовут Базиль, и собака Марта. Здание построено очень давно не совсем нормальным родственником Несси. Как я заполучила тут жилье, не важно[5 - История, как Степанида стала собственницей апартаментов, рассказана в книге Дарьи Донцовой «Княжна с тараканами», издательство «Эксмо».]. Особняк – памятник архитектуры, и он очень странный. Душевая на общей лестнице не самый большой его прикол.

Я перевела дух. Рассказать Егору, что в моей квартире есть тайный ход, пройдя по которому можно оказаться довольно далеко от дома? Нет, незачем Бочкину это знать.

Снова раздались грохот, лай, лязг, скрип…

– За фигом собака в лифте катается? – протянул Егор.

– Неужели не понятно? Она выходит пописать. Несси тоже пользуется, как она говорит, ассансером[6 - Ассансер – лифт, испорченный французский. (Прим. автора.)], остальные ходят пешком.

– Женщине неприлично ругаться, – неожиданно сказал Бочкин. – Понимаю, почему твоя соседка подъемник асесором называет, в нем псина на прогулку едет, но слово не очень-то хорошее.

– Бочкин, ты каким иностранным языком владеешь? – хихикнула я.

– Английским. Читаю со словарем, – похвастался суженый.

Мое раздражение неожиданно испарилось.

– И что вы со словарем больше всего любите? Пьесы Шекспира в оригинале или текст «Моя комната»? В отличие от тебя Несси в детстве активно вдалбливали в голову два языка – немецкий и французский. И теперь она изъясняется особым, лично ею изобретенным суржиком. Родители хотели как лучше, а получилось

странно. Все, времени нет, я побежала в ванную. А тебе вниз по лестнице.

Встав под душ, я закрыла глаза и начала себя уговаривать. Степа, Егор ни в чем не виноват, он такой, какой есть. Бочкин не умеет одеваться, говорит глупости, плохо воспитан и похож на полного идиота. Остается удивляться, почему умный и серьезный Николай Михайлович Дергачев выбрал для выполнения задания именно этого парня. Человека, менее подходящего на роль эпатажного модельера, чем Егор, не сыскать. И странно, что Вадим Олегович Панов, заместитель начальника отдела, тоже посчитал Бочкина идеальной кандидатурой для столь непростой работы. Может, они видят в туповатом полицейском то, чего не замечаю я? Хотя я умная девочка и, спасибо Белке, никогда не ем котлету ложкой. Не то что некоторые… Представляете, вчера мы с женихом пошли в ресторан, и я там чуть не сгорела со стыда, когда он решил расковырять бифштекс столовым прибором, которым следует есть суп. На мое тихое замечание: «Возьми вилку», – последовал ответ: «Какая разница, чем хавку до рта нести?»

Я выключила душ, схватила полотенце. Нет, Степанида, ты совсем не умна. Мыслящая девушка никогда не наступит дважды на одни грабли… Ладно, сейчас попытаюсь вкратце объяснить вам происходящее.

Некоторое время назад я познакомилась со следователем Игорем Сергеевичем Якименко. Не стану рассказывать, где нас столкнула судьба, скажу лишь, что очень благодарна Игорю и его подчиненному Михаилу Невзорову. Потом Якименко попросил меня о помощи – ему потребовалось внедрить Михаила в театр «Небеса», где я тогда гримировала артистов (как и почему ведущий визажист фирмы «Бак» очутилась за кулисами, объяснять здесь не стану[7 - Эту историю читайте в книге Дарьи Донцовой «Укротитель медузы Горгоны», издательство «Эксмо».], это вам не интересно). Следователь решил, что лучше всего объявить Михаила моим женихом, по профессии стилистом. И я, желая отплатить им за все хорошее, что они для меня сделали, согласилась. Никто не намекнул мне: «Дорогая, некоторые поступки могут иметь непредсказуемые последствия, и прежде чем произносить «да», хорошенько подумай». А мой ангел-хранитель, похоже, ушел в тот момент в отпуск.

История с театром «Небеса» закончилась так плохо, что я стараюсь о ней никогда не вспоминать. А те самые «непредсказуемые последствия» не заставили себя ждать.

Игорь Якименко рассказал обо мне своим приятелям, тоже следователям, и… И я поняла, что влипла в новую передрягу, когда не так давно, войдя в кабинет своего шефа Романа Звягина, увидела двух мужчин в строгих костюмах и услышала от них:

– Нам нужна ваша помощь.

На сей раз «нет» я выпалила сразу. Но Вадим Олегович с Николаем Михайловичем притворились глухими и начали вводить меня в курс дела. Попробую передать вам услышанную от них историю.

В прошлом году в одно из отделений полиции поступило заявление о пропаже Жанны Сергеевны Львовой. Женщина владела разветвленной сетью косметических салонов, постоянно расширяла бизнес, много работала, отличалась крайней пунктуальностью, никогда не болела, не опаздывала на совещания, не баловалась алкоголем, не бегала по мужикам. Личной жизни у Жанны не было, она являлась типичным представителем племени трудоголиков. Поэтому, когда Львова в пятницу вдруг не появилась на службе, окружающие сразу забеспокоились и забили тревогу. У Жанны много высокопоставленных клиентов, которые прекрасно относились к ней, они-то и надавили на полицейское начальство, и Львову стали искать сразу.

Дело поручили не особо талантливому, но исполнительному Геннадию Петровичу Малкину, а тот действовал по отработанной схеме. Памятуя, что в пропаже людей очень часто заинтересованы их ближайшие родственники, следователь решил опросить семью Львовой, но не смог исполнить задуманное по простой причине: Жанна давно похоронила отца с матерью, не имела ни братьев, ни сестер, замуж никогда не выходила, близких подруг не заводила, а о ее любовниках никто не слышал.

Львова прекрасно зарабатывала, но Геннадий Петрович, войдя в ее квартиру, здорово удивился – успешная бизнесвумен жила в типовой «двушке» с небольшой кухней. Когда-то эти вовсе не роскошные хоромы получил ее отец, мастер одного из московских заводов. После кончины родителей Жанна не улетела из гнезда, а просто сделала ремонт, причем далеко не шикарный, и оставила мебель, которую приобрели когда-то родители.

В древнем трехстворчатом гардеробе болталась на вешалках одежда, стояла обувь, однако следователь не увидел изделий от мировых брендов, модных туфель и дорогих сумок. Львова любила джинсы, серые свитера, простые футболки. У нее имелся всего один выходной туалет, так называемое маленькое черное платье, и было видно, что надевала она его нечасто. В допотопном советском холодильнике лежали самые простые продукты российского производства, а в ванной обнаружились две банки с кремом, мыло и бутылочка шампуня. Единственным предметом роскоши, которым владела Львова, можно было бы считать автомобиль. Но машина была крохотной малолитражкой корейского производства, более подходящей людям с небольшим достатком.

Сначала Малкин решил, что Жанна патологическая скряга, одна из тех, кто не способен тратить деньги даже на себя любимую. Но потом просмотрел ее банковские счета и понял: она неоднократно переводила большие суммы денег разным медицинским центрам, оплачивала операции тяжелобольным детям, кому в России не могли помочь, а потом щедро спонсировала их родителей. Львова оказалась удивительно милосердной дамой, она почти все заработанное отдавала нуждающимся и не кричала на каждом перекрестке о своей благотворительности. Никто из ее подчиненных понятия не имел, что шефиня спасает малышей.

И, кстати, служащие считали Львову идеальной начальницей, совсем не жадным, даже щедрым человеком. В генеральном офисе и в салонах царили удивительные для сегодняшнего дня порядки: все работники получали двадцатичетырехдневный отпуск, тринадцатую зарплату, оплаченный бюллетень, талоны на обед. Неудивительно, что косметологи и стилисты, разговаривая с полицией, в один голос твердили: «Скорее найдите Жанночку. Ее не могли похитить, она никому зла не делала, поищите в больницах, может, Львовой на улице плохо стало, лежит сейчас в палате без сознания, имени своего назвать не может».

Но подчиненные Малкина уже проверили клиники с моргами и знали: Жанны там нет.

Глава 3

Бизнесвумен не пришла на работу в пятницу, а в понедельник строители, которые планово разрушали одну из выселенных пятиэтажек, нашли в здании тело женщины. Убитую опознали, ею оказалась Жанна Львова. Перед смертью беднягу не мучили. Ее посадили на стул посреди комнаты, привязали и сделали укол лекарства, передозировка которого вызывает остановку сердца. Тот, кто совершил убийство, даже не пытался замаскировать его под случайную смерть от инфаркта или суицид. Наоборот, на несчастной словно табличка висела: «Это убийство».

В комнате, где обнаружили труп, остались от уехавших жильцов письменный стол со свежей вмятиной в центре столешницы и несколько стульев, на окнах висели темно-красные занавески. Мебель была не новой, а вот шторы, похоже, купили недавно. Можно только удивиться тому, что люди бросили столь хорошую вещь.

И тут следователь Малкин вспомнил, как пару лет назад сам перебирался в купленные хоромы и отчаянно поругался с женой – она категорически отказывалась забирать из коммуналки два книжных шкафа. Геннадий Петрович объяснил Люсе, что у них сейчас не очень хорошо с деньгами, и попросил: пусть книги постоят временно на старых полках. Но жена уперлась. А потом заплакала.

– Не хочу вносить в новую жизнь рухлядь. Лучше пускай библиотека пока на полу поживет. А то, если втащим старые «дрова» в новую гостиную, боюсь, они с нами навсегда останутся.

Малкин был почти стопроцентно уверен, что хозяйка предназначенной на уничтожение квартиры, как и его Люся, решила «не вносить в новую жизнь рухлядь». Но, будучи опытным профессионалом, попросил экспертов как следует осмотреть все вокруг, изучил их отчет и призадумался.

Криминалисты утверждали, что раньше в комнате ни стола, ни стульев не было. На полу обнаружились следы от кровати, тумбочки, кресла и большого гардероба. Занавески оказались совершенно новыми. И они не висели на карнизе – их прибили гвоздями к стене над рамой. След на столешнице был недавний, скорей всего, его оставил некий круглый деревянный, покрытый темным лаком предмет. Им яростно стучали по поверхности, так сильно, что отлетело несколько микрощепочек. За спинку стула, придвинутого к столу, зацепилось несколько скрученных колечками искусственных волосков серо-

желтого цвета. Вероятно, от какой-то накидки.

Геннадий Петрович отыскал семью, которая выезжала из хрущевки, и узнал, что эксперты не ошиблись. Помещение, где нашли труп, служило спальней пожилой женщине, там стояли железная кровать, тумбочка, шифоньер и кресло. Бабушка не пожелала расстаться с привычной обстановкой, всю ее мебель перетащили на новую квартиру. Стол у хозяев был только на кухне. Во второй комнате спали сын пенсионерки с женой и их маленький сын. Бордовые занавески на окно семья не вешала. Но даже если бы и решили это сделать, никогда бы не стали прибивать их к стене. Получалось, что преступник перед тем, как убил Жанну, решил навести в помещении некое подобие уюта. Зачем? Ответа на этот вопрос Малкин не нашел.

Дело тихо превратилось в висяк. Никаких свидетелей, видевших, как Жанну ведут в выселенное здание, не отыскали, вокруг дома стояли такие же пустые пятиэтажки. Ткань занавесок была родом из Китая, стоила недорого, продавалась повсюду, пользовалась спросом. Мебель произвели в России, ею торговали в магазинах, коих только в столице было двенадцать. Письменный стол и стулья являлись ходовым товаром, их производили в больших количествах, а почти на всех строительных рынках есть комиссионные лавки, где можно за смешные деньги приобрести подержанные кровати, диваны, столы и прочие предметы обстановки. Скорее всего, в одной из таких торговых точек и отоварился преступник. В подобных магазинчиках всегда толпится уйма народа, многие расплачиваются наличными, а потом сами увозят приобретенное: за транспортировку надо заплатить, а тот, кто едет в комиссионку за мебелью, экономит каждый рубль. У стола можно легко открутить ножки, стулья не столь велики, убийца мог спокойно запихнуть все в легковой автомобиль. Понимаете, почему напасть на след киллера не удалось?

Хоронили Львову подчиненные. В бумагах покойной они нашли завещание, она оставила квартиру и бизнес своей подруге Оле Бирюковой, матери пятерых детей.

Папки с делом переместили в архив. Геннадий Петрович занялся другой работой, но, странное дело, Львова никак не шла у него из головы, следователь нет-нет да и вспоминал о ней.

Не так давно Малкин решил пойти с женой в кино. Люся выбрала какой-то нудный, тягомотный английский фильм, и супруг не слишком внимательно

наблюдал за приключениями главной героини, которую обвиняли в не совершенном ею убийстве. А потом задремал. Но был разбужен Люсей – та схватила мужа за руку.

– А? Чего? – заморгал спросонок следователь.

– Очнись, – зашептала Люся, – самое интересное пропустишь – Мэри судят. Один раз в кино выбрались, а ты дрыхнешь!

Геннадий Петрович послушно уставился на экран и увидел толстого мужика в мантии, со смешным, завитым трубочками, седым париком на голове. Тот поднял деревянный молоток, стукнул им по столу, за которым восседал, и объявил:

– Да будет так.

У Малкина по спине побежал озноб: вмятина на столешнице, стулья, бордовые занавески. Это же…

– Суд! – неожиданно громко произнес следователь. – Ей зачитывали приговор!

По окончании сеанса жена устроила ему скандал. А Малкин, пропустив все ее упреки мимо ушей, едва дождался утра. Поехал он к Вадиму Олеговичу, своему хорошему знакомому, который занимался особо опасными преступлениями, – чтобы посоветоваться по поводу дела Львовой, сданного в архив.

Тот, услышав его рассказ, позвал своего начальника Николая Михайловича, а потом со словами: «Вовремя ты, Гена, появился», достал из сейфа папку.

Оказалось, что недавно в предназначенной на снос пятиэтажке строители обнаружили тело Валерия Яковлевича Сизова, бывшего военного, некогда воевавшего в Афганистане и получившего орден за совершенный во время боевых действий подвиг. Он был инвалидом, в последнем бою потерял ногу. Жил с дочерью Катей и маленьким внуком Андрюшей (жена к тому времени скончалась). Комната, в которой обнаружили труп Сизова, была слегка облагорожена – там находились письменный стол с вмятиной посередине, стулья, красные занавески, прибитые гвоздями к раме… Правда, знакомый

интерьер?

Валерий Яковлевич не работал, получал пенсию, Катя служила в бухгалтерии, Андрюша ходил в садик. Семья жила довольно бедно. Ничего плохого о Сизовых соседи не сообщили, наоборот, в один голос повторяли:

– Валерий был героем, в советское время о нем в газетах писали и по радио говорили.

Какой конкретно подвиг совершил Сизов, никто не знал, но все пребывали в уверенности: он мужественный человек. И возмущались:

– Когда государство потребовало, Валера воевать пошел. А потом власть переменилась, и Сизов оказался никому не нужен, ему платили копейки. Герой не мог себе даже лишнюю бутылку кефира позволить.

Естественно, Вадим Олегович решил пообщаться с Катей. Однако дочери убитого дома не было, а из бухгалтерии она уволилась примерно за неделю до гибели отца. Тихая, неприметная Екатерина не имела на службе подруг. Начальнице Сизова сказала, что выходит замуж, уезжает жить к супругу в Питер, и очень просила не заставлять ее отрабатывать положенное по закону время. Заведующая пошла навстречу сотруднице и рассчитала ее. За день до исчезновения Екатерина Валерьевна позвонила в садик и сообщила воспитательнице Ирине Павловне:

– Андрюша приболел. Ничего особенного, насморк и кашель, дней через десять вернется в группу.

– Что-то он у вас постоянно хворает, – заметила Ирина. – Понедельник, вторник ходит, потом две недели отсутствует.

– Иммунитет у ребенка слабый, – вздохнула мать.

На том разговор и завершился.

То, что Катя исчезла, никого не взволновало. Бывшие коллеги полагали, что Сизова перебралась к мужу, а в садике не встревожились из-за отсутствия

воспитанника. Определить, когда, куда и почему уехали женщина с малышом, не представлялось возможным: с соседями Екатерина не общалась, о своих планах им не рассказывала, билетов на поезд-самолет-автобус не покупала – она словно растворилась в воздухе.

Вадим Олегович, зайдя в квартиру Сизовых, обнаружил там почти стерильную чистоту. Все вещи не просто лежали на местах – интерьер напоминал солдатскую казарму, где верховодит крайне придирчивый сержант. В шкафу высились идеально ровные стопки белья, кружки на кухне смотрели ручками в одну сторону, полотенца в ванной висели по линеечке, а продукты в холодильнике стояли, как солдаты на плацу. Следователь, имевший кроме юридического еще и психологическое образование, хорошо знал, что патологическая аккуратность часто присуща садистам, социопатам или людям, лечившимся в психиатрических клиниках. Не совсем здорового душевно человека врачи обязательно приучают поддерживать порядок в палате, что дисциплинирует больного. К сожалению, многие из бывших пациентов, очутившись на свободе, перестают принимать предписанные медиками лекарства, а вот аккуратность демонстрируют по-прежнему, им от этого делается спокойнее.

Вадим Олегович и Николай Михайлович поняли, что в семье Сизовых не все было хорошо, и тут появился Малкин со своим рассказом про суд.

– Похоже, у нас ангел-мститель? – спросил Панов.

– Вероятно, – кивнул Дергачев.

– Это кто такой? – не понял Геннадий Петрович.

– Особый вид серийного маньяка. Он защищает обиженных, – пояснил Вадим Олегович. – Ну, например, убивает родителей-наркоманов, которые издеваются над своими детьми.

– Я бы их сам придушил, – мрачно буркнул Малкин.

– Понятное желание, – согласился Дергачев. – Но понимаешь, наш «ангел-мститель» может посчитать за обиду подзатыльник, который любящая мать в сердцах отпустила своему сыну, в очередной раз получившему двойку. Или

убийца нацелится на учителя, который пишет ученикам замечания в дневник, на врача, сделавшего маленькому пациенту серьезную операцию.

– «Ангелы» встречаются разные, – уточнил Вадим Олегович. – Например, так называемые герои. Они часто работают пожарными, сотрудниками МЧС, то есть по долгу службы обязаны спасать людей из огня или вытаскивать из-под завалов.

– Что плохого в спасении пострадавших? – удивился Геннадий Петрович.

– Если огонь вспыхнул от неисправной электропроводки, а дом рухнул во время землетрясения, то ничего, – пожал плечами Панов. – А вот когда человек поджигает школу, чтобы потом на глазах у людей кинуться внутрь здания и вывести детей, то это «ангел-герой».

– Медсестра, которая сидит у постели умирающего и читает ему вслух книгу, чтобы немного отвлечь несчастного от тяжелых мыслей, прекрасный, милосердный человек, – продолжил Дергачев. – Но если она вводит больному смертельную дозу морфия, решив, что пациента нужно избавить от страданий, то она «ангел смерти». Вот недавно в одном крупном медцентре вычислили одну такую, отправившую к праотцам десять человек, попавших под ее опеку после оперативного вмешательства. Все выздоравливали, ничего критичного в их состоянии не наблюдалось, а красавица прикончила бедолаг, посчитав, что те невыносимо страдают.

– Она же сумасшедшая, – удивился Геннадий Петрович. – Как ей разрешили работать?

– Все «ангелы» производят на окружающих самое положительное впечатление, – стал растолковывать Панов. – Это, как правило, скромные люди, хорошие работники, слегка замкнутые, часто без семьи. Всякий раз при аресте «ангела» можно услышать от его коллег и знакомых: «Вы ошибаетесь! N прекрасный человек, любит детей, животных, готов всем помочь, совсем не жадный». И наши случаи очень уж похожи на действия мстителя – он старается оборудовать место казни как зал заседания суда. Волоски, найденные на спинке стула на месте убийства Львовой, вероятно, от парика, а вмятина на столе действительно от удара молотком. Преступник – судья и палач в одном лице.

– И он определенно мужчина, – сделал поспешный вывод Малкин.

– Статистика показывает, что среди «ангелов» примерно поровну лиц как слабого, так и сильного пола, – терпеливо пояснил Николай Михайлович. – Теперь нам надо понять, что связывает Сизова и Львову. По какой причине «ангел-мститель» решил именно их осудить на смерть? И необходимо найти Катю с сыном. Куда могли запропаститься молодая женщина и мальчик? Вероятно, дочь Валерия Яковлевича расскажет нечто интересное.

Глава 4

Вадим Олегович решил сам осмотреть квартиру Львовой. Он соединился с Олей Бирюковой, наследницей, и спросил:

– Вы, наверное, сделали ремонт? Никаких вещей Жанны уже не осталось?

– Нет, – после небольшой паузы ответила Ольга, – я пока ничего не трогала. В жилье все осталось по-старому.

Панов обрадовался.

– Разрешите побывать в доме? Откроете нам дверь?

– Ну… ладно, – без особой радости согласилась Бирюкова. – А что вам там надо?

– Нужно прояснить некоторые детали, – обтекаемо ответил Вадим Олегович.

Переступив порог квартиры, Панов сразу понял: наследница не заглядывала в «двушку», тут все осталось так, как было в день исчезновения хозяйки. В деревянном коробе обнаружился сгнивший хлеб, в холодильнике стоял вроде бы совершенно свежий по виду йогурт, чей срок годности истек больше года назад. Следователь посмотрел на баночку и решил, что больше никогда не купит ничего произведенного фирмой, выпустившей «бессмертный» молочный продукт.

На подоконнике в кухне среди бесплатных газет, которые распихивают по почтовым ящикам, Панов обнаружил конверт без каких-либо надписей из белой бумаги, приятной на ощупь. Внутри лежал рисунок. Вернее, следователю сначала показалось, что перед ним обычная открытка, но, рассмотрев ее внимательно, он понял, что держит в руках небольшую, размером с ладонь, картину. На ней была изображена комната с окном, прикрытым роскошной красной бархатной шторой. В центре помещения на скамье сидела женщина, одетая в длинное платье с пышной юбкой. Вадим Олегович плохо разбирается в истории моды, но ему подумалось, что такой наряд могли носить в восемнадцатом веке. Руки дамы были привязаны к стулу, талию тоже обвивала грубая веревка. В левом углу композиции находился стол со стопой фолиантов в кожаных переплетах. За ним сидел судья в мантии, в седом парике, с деревянным молотком в руке. Лицо его было размытым, неясным. А вот дама очень походила на… Львову. Кроме нее и представителя судебной власти, художник нарисовал нескольких детей, стоящих на коленях. За каждым ребенком маячила фигура взрослого, у всех вместо лиц были серые пятна. Возле стула дамы с одной стороны громоздились мешки, из коих высыпались деньги, а с другой располагалась огромная мышеловка, где находились женщина и маленькая девочка, судя по всему – мать и дочь.

Панов незамедлительно соединился с Геннадием Петровичем, описал ему находку и поинтересовался:

– Как ты мог не обратить внимания на столь важную улику?

– Да вроде там ничего такого не было, – забубнил Малкин.

– Ты не понял, что живописец изобразил сцену суда над Львовой? – вскипел Панов.

– Не помню никаких картинок, – признался Геннадий Петрович.

Вадим Олегович поднял материалы дела Львовой и прочитал в них, что в момент проведения обыска на подоконнике в кухне лежала гора разных вещей: лекарства от головной боли, градусник, три детектива Милады Смоляковой, жестяная коробочка с леденцами, пульт от телевизора и конверт, внутри которого находилась открытка без текста, кипа рекламы, газеты. Итак, Малкин допустил оплошность. Похоже, он все-таки видел сделанный на плотной бумаге

рисунок, но, не обнаружив на нем никакого письменного сообщения, запихнул его назад, не рассмотрев как следует, принял за обычную почтовую карточку.

Панов отдал находку экспертам, попросил выжать из нее как можно больше информации. А затем позвонил Бирюковой, договорился о встрече и задал ей прямой вопрос:

– Почему вы не хотите пользоваться полученным наследством?

– Просто времени нет, – забормотала Бирюкова, – руки никак не доходят до квартиры Жанны.

– Вы с мужем и пятью детьми ютитесь в тесной «трешке», давно стоите в очереди на новое жилье, но государство не спешит вам его дать. Наверное, трудно всемером ютиться на столь малом пятачке, скученность провоцирует семейные скандалы, – вздохнул Панов.

– Да уж, нелегко. И ссоры бывают, – согласилась Ольга. – У сыновей большая разница в возрасте – Юре пять, Леше десять, Сереже шестнадцать, мальчикам неудобно жить в общей спальне. Да и Соня с Наташей иногда ругаются.

– Странно, что вы по-прежнему живете на старом месте, – протянул Панов. – Вы же давно могли продать свою квартиру и ту, что принадлежала Жанне, купить просторные апартаменты. Но отчего-то не сделали этого. Почему? Если причина вашего нежелания воспользоваться наследством как-то связана со Львовой, мне необходимо ее знать. Вы же не хотите, чтобы преступник, лишивший жизни прекрасную милосердную женщину, остался на свободе?

Бирюкова неожиданно заплакала и прошептала:

– Ладно, я расскажу. Но мы с Сережей ее не убивали! Честное слово! Мы не способны на преступление. Только Жанна вовсе не такая, какой вы ее считаете. Она была вампиром, высасывала из нас жизнь, поставила на колени и ребят, и меня с мужем. Незадолго до смерти Львовой моя Сонюшка сказала: «Лучше бы я умерла, из-за меня все мучаются». Представляете, какие мысли в голову дочери залетели? Я ненавидела Львову, но старательно ей в пол кланялась. Потому что знала: Соня погибнет, если Жанна от нас отвернется. Вот Воробьева не выдержала. Так, думаете, Львова их пожалела? Хренушки! Помню, я в гости

к вампирше впервые пришла, и в тот момент к ней Зина Воробьева буквально на коленях вползла, головой о пол биться начала…

– Жанночка Сергеевна, золотце, извините Христа ради! Не права я была, вы для нас столько сделали, а я черную неблагодарность проявила! Простите меня! – умоляла женщина.

Львова бросилась к ней, подняла с коленей, поддерживая под руку. Потом обняла, поцеловала и сказала:

– Ну что вы, Зинаида Егоровна, разве можно так? Успокойтесь, я не держу на вас зла. Да что такого страшного вы совершили? Ничего особенного. Просто расхотели со мной общаться. Это ваше право, значит, я вам надоела. Бывает.

Зина аж затряслась.

– Вы меня простили? Снова Егорушке поможете?

А Жанна в ответ:

– Сказала уже, я никогда не злилась на вас. Как Егор? Надеюсь, он окончательно выздоровел?

– Лекарство купить не можем, – всхлипнула Зинаида, – а без таблеток сынишке совсем плохо. Тот препарат, что бесплатно дают, на него не действует, а на покупку зоофрила[8 - Лекарства с таким названием не существует.] средств нет. Вы же в курсе, как мы живем: я за сыном ухаживаю, не работаю, у мужа двадцать две тысячи оклад. Не бросайте нас, мы все поняли, готовы для вас что угодно сделать!

– И рада бы оказать вам поддержку, – нежно пропела Львова, – да не могу. Когда вы со мной порвали отношения, я взяла под крыло другого ребенка, доченьку Оли. Средства у меня ограничены. Увы-увы, мое имя не стоит на первых позициях в списке «Форбс». Поверьте, тогда бы я всем приобрела медикаменты. Но вы упустили свой шанс, я теперь поддерживаю Сонечку, очень благодарную девочку с прекрасными, нежно любящими меня родителями.

– Егорка без вашей помощи умрет, – прошептала Зина. – Неужели у вас хватит совести мальчика на тот свет отправить?

Жанна Сергеевна заморгала.

– Вы меня упрекаете? За что? Я оплатила Егору операцию в Германии и ваше пребывание вместе с сыном за границей. Кормила-поила вас, покупала подарки, сделала ремонт в квартире, чтобы мальчик не дышал пылью, приобрела новую мебель… И ничего взамен не просила. Помогала совершенно бескорыстно. И как вы на это отреагировали? Полгода назад приехали сюда, заявили: «Хватит, сыты по горло вашей благотворительностью, оставьте нас в покое». Вы произнесли эти слова или я сейчас выдумываю?

– Да, – прошептала Зинаида, – я так высказалась.

– И что мне следовало делать? – развела руками Львова. – Несколько раз я звонила вам, а вы трубку не снимали. Не могла же я неблагодарных людей у подъезда ловить, просить: «Примите денежки Егорушке на таблетки». Сами оттолкнули дающую руку, и я взяла шефство над другим ребенком. А теперь вновь заводите речь о милосердной помощи. Но у меня нынче есть Сонечка, двоих патронировать я не смогу. Предлагаете бросить Софью и опять заняться Егором? Я должна обречь на смерть девочку Ольги ради спасения вашего мальчика?

– Вы чудовище! – закричала Зина. – Мерзкий монстр, подпитывающийся чужой бедой! Расцветаете от нашего горя!

– Вот и договорились, – кивнула Жанна. – Не испытываете добрых чувств ко мне? И не надо. Оленька, проводи Зинаиду Егоровну, она уходит.

Бирюкова довела гостью до двери. Стоя уже на пороге, Воробьева схватила ее за руку, прошептала:

– Давно тебя эта акула приголубила?

– Ступайте прочь! – возмутилась Ольга. – Не смейте про Жанну Сергеевну гадости говорить. Она святой человек, а вы, похоже, неблагодарная сволочь.

Зинаида мрачно усмехнулась.

– Ну-ну, значит, ты с ней только-только познакомилась. Через пару месяцев поймешь, с кем связалась. Попала в капкан, теперь не вздумай побег замыслить. Видишь, что с нами вышло? Ох, не жить Егорке из-за моей несдержанности. А ты терпи ради дочери, дай тебе бог сил…

Бирюкова примолкла.

– Пока ничего ужасного я не вижу, – нарушил тишину Панов. – Львова зарабатывала хорошие деньги, большую часть из них отдавала больным детям, но, вероятно, ей не по карману было помогать двум малышам одновременно. Если Зинаида нахамила Жанне Сергеевне, та имела полное право обидеться.

Оля подняла руку.

– Ага, сверху да издалека все так и выглядит. И я, когда Зинаида ушла, очень ее осудила, сказала Жанне: «Встречаются же такие гадкие люди. Делаете им добро, а в ответ комья грязи летят». Но потом, как и предсказывала Зина, глаза у меня открылись. Слушайте, что Львова с нами сделала. Начиналось-то все замечательно, я ей руки целовать была готова, ноги мыть и воду пить…

Глава 5

Когда у маленькой Сонечки обнаружили тяжелое заболевание, которое очень плохо лечится в России, но вполне успешно могут победить в Германии, Бирюковы сначала впали в панику. Потом кинулись в разные фонды, обратились в газеты, создали сайт в Интернете в надежде на человеческую доброту. Но особой материальной помощи семья не получила. Деньги на счет ребенка поступали, вот только очень медленно, а врачи постоянно твердили испуганным родителям:

– Времени мало, продавайте квартиру и везите девочку в Мюнхен.

А у Бирюковых, кроме Сони, еще четверо детей, нельзя же лишить их жилья. Положение казалось безвыходным, и тут Ольге позвонила Львова.

– Вам сумму на лечение в евро переводить? – спокойно, совсем буднично спросила женщина.

– Да, пожалуйста, – ответила Оля. – Сколько сможете, будем вам очень благодарны.

– Я полностью оплачу все расходы, – уточнила Жанна.

Несчастной матери показалось, что она ослышалась.

– Простите, что вы сделаете?

– Полностью оплачу все ваши расходы, – повторила бизнесвумен.

Дальнейшее напоминало сказку: Львова действительно дала деньги, Соню удачно прооперировали. Причем владелица SPA-салонов не оставила Бирюковых, полностью взяла их на содержание – покупала необходимое девочке очень дорогое лекарство, снабжала семью продуктами, за свой счет отправляла больную с мамой в Мюнхен на консультацию с врачом раз в три месяца. Понимаете, как родители относились к благодетельнице?

А потом Жанна сказала:

– У меня двадцать девятого сентября день рождения, самый грустный праздник в году.

– Почему? – удивилась Оля. – Надо позвать друзей.

– Ни с кем, кроме вас, я не общаюсь, – тихо пояснила Львова. – Я очень одинокий человек.

И Бирюкова устроила для спасительницы торжество. Дети выучили стихи, Ольга накрыла стол, а отец купил подарок. Когда Жанна вошла в квартиру, все зааплодировали, запели песню и целый вечер хвалили Львову, поднимали тосты

за ее здоровье, говорили о своей любви и благодарности к ней. А маленькая Соня обращалась к благодетельнице не иначе как «мама Жанна». Отличный получился праздник.

Спустя сутки Львова позвонила вновь. Высказала благодарность за поздравления и заметила:

– Первого октября у меня день ангела.

Оля снова затеяла веселье.

Через неделю у Жанны была годовщина создания фирмы, и она отмечала ее не с подчиненными, а с Бирюковыми. Затем Львова пожаловалась на депрессию, которая всегда начинается у нее в ноябре, когда умерла ее мать, тогда семья организовала что-то вроде поминок…

Медленно, но верно жизнь Бирюковых превратилась в проведение постоянных вечеринок для спасительницы Сонечки. И дети, и Сергей, и сама Оля были заняты по уши. Два-три, а то и четыре раза в неделю они выпускали специальную стенгазету, разучивали стихи-песни, готовили угощение, покупали подарок, а затем на все голоса нахваливали Жанну Сергеевну за ум, красоту, милосердие, клялись ей в любви, присягали на верность, падали ниц. Ольга устала от череды праздников, ей надоело славить Львову. А еще категорически не нравилось, что все ее дети, которых бизнесвумен заваливала подарками – купила им крутые мобильники, ноутбуки, обещала оплатить их учебу за границей, стали звать ее «мамой Жанной».

Бирюкову нельзя назвать неблагодарным человеком, она прекрасно понимала, что делает для их семьи Львова, поэтому всегда старательно готовила очередное пиршество. Но ей хотелось побыть с мужем и ребятами в своем доме наедине, без благодетельницы. А тут еще старшие девочка с мальчиком начали проситься переночевать у Львовой… Ольге стало казаться, что Жанна Сергеевна потихоньку отнимает у нее детей, разрушает их семью. Милосердная дама представлялась многодетной матери похожей на плющ, обвивающий каменную стену дома, – он, конечно, придает зданию внешнюю красоту, но расшатывает «усами» кирпичную кладку.

В конце концов Оля решила слегка остудить отношения и сказала Львовой:

– На зимние каникулы нас пригласила в гости моя подруга из Киева.

– Вот здорово! – обрадовалась Жанна. – Когда летим? Или едем на машине? Хочется полюбоваться на один из самых красивых городов мира.

– Мы уедем на десять дней, – уточнила Бирюкова.

– Без меня? – сообразила бизнесвумен.

– Простите, – соврала Ольга, – но у приятельницы крохотная квартирка, там с трудом мы-то поместимся. Вы не обидитесь?

– Конечно, нет, – засмеялась Жанна. – Ненавижу скученность.

Бирюковы отключили телефоны, приказали детям не говорить «маме Жанне», что они не покидали Москву, и провели праздники в полном восторге в свое удовольствие, без посторонних.

На одиннадцатый день Оля звякнула Львовой и сообщила:

– Мы тут!

– Отлично, – вяло ответила благодетельница. – Хорошо повеселились?

– Ой, какое там! Оказывается, приятельнице требовалось помочь с ремонтом, мы клеили обои, циклевали паркет, – изобретательно солгала Бирюкова. – Устали, измучились. Вы к нам приедете?

– На этой неделе вряд ли, дел по горло, – сухо заметила Жанна и отсоединилась.

Тринадцатого января на счет Бирюковых должны были упасть деньги на лекарство для Сони, но сумма не пришла. И тут Оленька вспомнила визит Зины, ее слова: «Не жить Егорке из-за моей несдержанности». Бирюкова перепугалась до полусмерти и вместе с детьми и мужем помчалась к Львовой.

Увидев компанию в разноцветных шапочках, с цветами-подарками в руках и узнав, что Бирюковы в полном составе явились к ней домой, дабы отпраздновать Старый новый год, Жанна криво улыбнулась.

Всю ночь гости хвалили хозяйку, танцевали вприсядку, целовали-обнимали «мамулечку», и в конце концов Львова оттаяла.

Деньги на лекарство пришли, Оля перевела дух и поклялась себе никогда более не пытаться прервать череду праздников.

С того дня Бирюковы стали личными скоморохами бизнесвумен. Жанна оказалась эмоционально ненасытной, развлекать ее требовалось постоянно. Обращаться к благодетельнице иначе как «наша любимая мамочка» запрещалось. Утро Бирюковой начиналось со звонка в дом Львовой. Оля спрашивала:

– Как спалось нашей любимой мамочке?

– Ничего, вот только спина побаливает, – капризно сообщала Жанна.

– Боже! Дети, Сережа, нашей любимой мамочке плохо! – кричала Ольга. И обещала собеседнице: – Сейчас приедем к тебе, сделаем массаж, сварим куриный бульон.

– Нет, я убегаю на работу, – останавливала ее порыв Львова. – Сама к вам вечером загляну.

Жизнь Бирюковых превратилась в постоянное прислуживание той, от кого зависела жизнь Сони. Сергей делал в квартире Львовой мелкий ремонт, мыл-заправлял ее машину, привозил продукты. Оля убирала, стирала, готовила. Жанна Сергеевна очень часто говорила:

– Я на себя трачу копейки, лишь бы Соня осталась жива.

У бедной матери после этих слов появлялось некомфортное ощущение, что ради своей дочери она отнимает у Львовой честно заработанные ею тяжелым трудом деньги. Но противнее всего было изображать любящих родственников. Однако

Бирюковы очень старались, потому что понимали: Сонечке пить лекарство надо не менее пяти лет, месячный курс стоит четыреста пятьдесят тысяч рублей, и если Жанна перестанет давать деньги, ребенок окажется в могиле.

На второй год такой жизни Сергей начал прикладываться к бутылке, а Олю стали мучить боли в желудке. Ни один врач не мог понять, что с ней – анализы хорошие, а женщина ничего съесть не может.

А еще Ольге пришлось бросить занятия по истории искусства, которые были организованы владелицей одной из художественных галерей. Сами понимаете, у многодетной матери нет особого времени на самосовершенствование, но Оля после рождения Сони, чтобы не превратиться в робота, исполняющего домашние обязанности, записалась на бесплатные лекции, каждый четверг с семи до десяти вечера ходила слушать рассказы о живописцах и картинах. И вот из-за общения с Жанной лишилась единственного любимого досуга.

Бирюкова подошла попрощаться к владелице галереи, не выдержала, расплакалась, рассказала, почему больше не сможет посещать занятия. Но чем искусствовед могла помочь слушательнице? Она подарила Бирюковой авторский экземпляр книги об импрессионистах, на том и расстались.

Изменилось и отношение детей к благотворительнице. Вначале и старшие, и младшие были в эйфории от дорогих подарков, которые им покупала Львова, но потом градус восторга начал падать. Ребята поняли, что мобильные телефоны, компьютеры и прочие радости следует ежедневно отрабатывать. У детей теперь не было времени на простые ребячьи радости, вроде похода с приятелями в кино или на общение в Интернете. Но еще хуже оказалось то, что им почти некогда стало делать уроки, в их дневниках появились двойки. Младшие заныли: «Почему из-за Сони всем должно быть плохо? Это ей лекарство покупают, а не нам. Надоело каждый день веселиться». Львова же говорила им: «Бог с ней, с учебой, не переживайте из-за плохих отметок, я вас устрою на платное отделение в любой институт».

Оля поняла, что еще немного – и благодетельница полностью развалит ее семью, необходимо дистанцироваться от пиявки. Но где потом найти денег на медикаменты?

И вдруг Львову убили. Услыхав новость, Бирюкова в первый момент заликовала. Ура, они избавились от вампира! Но через минуту пришел ужас – а как же Сонечка?

Вскоре выяснилось, что благодетельница завещала Бирюковым все, что имела. Узнав от нотариуса о наследстве, мать Сони зарыдала от радости: больная дочка сможет получать лекарство. Потом Оля испугалась. Что, если полиция посчитает их с мужем убийцами? Бирюкова обожает детективы, а во многих криминальных романах написано: первыми под подозрение попадают те, кто заинтересован в смерти жертвы. А кто оказался в выигрыше после гибели Жанны Сергеевны?

Оля с Сергеем посовещались и решили: если к ним придет полиция, надо сказать, что его родители дружили с матерью и отцом Львовой, а сама Жанна крестная Сони. Бизнесвумен собственных детей не имела, вот и считала ребятишек друзей родными, помогала семье материально, а также составила завещание в их пользу. Когда следователь Малкин задал Бирюковым ожидаемый вопрос: «Вы, очевидно, хорошо знали Львову?» – они выдали заготовленную версию, расхвалив бизнесвумен, но подчеркнув, что та была замкнутым человеком, ни малейших подробностей о своей личной жизни даже им не рассказывала.

Сейчас, получая прибыль от SPA-салонов, Бирюковы тратят деньги в основном на покупку медикаментов и продуктов для Сони, а то, что остается, кладут на счет. Они решили для себя, что никогда не воспользуются даже копейкой на личные нужды, в том числе и на покупку столь необходимой семье просторной квартиры. В банке копятся средства, которые пойдут исключительно на образование детей. Еще Бирюковы отчисляют двадцать процентов с каждой получаемой суммы в благотворительный фонд, заботящийся о больных ребятишках. А вот переступить порог бывшего жилища Жанны ни Оля, ни Сергей не способны. Они прекрасно знают, что, продав «двушку» Львовой и выставив на торги свою «трешку», смогут приобрести достойное жилье, но начать операцию с недвижимостью не спешат…

– Поймите меня правильно, – плакала Ольга, заглядывая в глаза Панова, – Жанна Сергеевна нас до сих пор словно на крючке держит. Я раз в неделю на могилу ее езжу, убираю там, скоро памятник поставим. В последнее время мы с Сережей ее просто ненавидели, и теперь нам стыдно – получается, она с того света за таблетки для Сонечки платит. Но через несколько лет, надеюсь, необходимость в лекарстве отпадет, вот тогда мы избавимся от Львовой навсегда. Если же

продадим ее квартиру, то постоянно, входя в новые хоромы, будем думать, что опять надо благодарить ее. Поверьте, мы не убивали Жанну, просто не способны на это.

– И мы же не знали про завещание, Львова о нем ничего не говорила, – тихо добавил молчавший во время разговора Сергей. – Представления не имели, что она нам все оставит. От Жанны зависела жизнь нашей дочери, вот мы перед ней все на задних лапках и плясали. Терпеть благодетельницу не могли, но пылинки с нее сдували. Не в наших интересах было ее жизни лишать.

Вадим Олегович по банковским документам легко установил, что в разное время бизнесвумен помогала еще семи ребятам, и проверил их родителей. Четыре семьи давно уехали за рубеж, одна попала в авиакатастрофу, а две пары с головой ушли в церковную жизнь. Все оказались вне подозрений. А еще нотариус, заверивший завещание, рассказал, что Жанна составляла подобное распоряжение многократно, отписывала имущество и бизнес родителям подопечного ребенка, а потом, взяв под опеку другое дитя, меняла наследников.

Пока Панов разбирался со Львовой, Николай Михайлович отправился в дом к Сизову и стал методично обходить соседей. Все, как один, рассказывали о геройском прошлом Валерия Яковлевича, отмечали крайнюю замкнутость Кати и болезненность ее маленького сына. Андрюша постоянно хворал, неделями сидел дома и казался на удивление пугливым малышом. Если крошка ехал вместе с мамой в лифте, а в кабину подсаживался какой-нибудь мужчина, Андрей прятал личико в колени Кати и не отрывался от нее, пока попутчик не выходил.

Дергачев, не узнав ничего нового, слегка приуныл. А потом ему вдруг пришла в голову простая мысль. Некоторое время назад Сизов сменил квартиру, перебрался из трехкомнатной в «двушку». Согласитесь, ведь немного странно ухудшать жилищные условия, если учесть, что твоя незамужняя дочь вот-вот родит ребенка? Большинство людей в ожидании прибавления семейства, наоборот, желает по возможности расширить жилплощадь. Но, может, на этот шаг Сизова заставила пойти бедность? Ребенок, появляясь в семье, приносит не только радость, но и требует больших расходов.

Николай Михайлович поехал по старому адресу Сизова, и там соседи спели о Валерии Яковлевиче совсем иную песню.

Глава 6

– Валерка герой? – засмеялся Леонид Рогов, первый, к кому обратился Дергачев. – Он врун! Да, когда-то его отправили в Афганистан, но Сизов сидел в штабе, пороха не нюхал. В наш дом въехал лет пятнадцать назад, может, больше, точно не помню. Долго всем голову дурил, на праздники пиджак с орденами натягивал, плакался постоянно: «Государство у меня здоровье отняло, хожу с трудом, ноги в Афгане лишился. И что? Пенсия две копейки». Его все жалели, помогали, как могли. А Вера Сизова жутко краснела, когда моя жена осенью им домашние консервы приволакивала, и шептала: «Спасибо, не надо. Мы ж не нищие!» Валерка же всегда свою бабу затыкал: «Бери, не обижай добрых людей. Они, в отличие от государства, герою уважение оказать хотят». Мне Сизов никогда не нравился – мордатый, шумный, про свои подвиги на каждом углу орал. А вот Вера с Катей тихие были, незаметные. Девочка постоянно болела – два дня ходит в школу, три недели дома сидит. После вроде в какой-то техникум поступила, но здоровей не стала. Ну а потом правда выяснилась. Приехали к Сизову корреспонденты с телевидения, и он им про свое боевое прошлое растрепал. Небось, думал, столько лет прошло, никто подробностей не помнит. Или заигрался, сам в свою ложь поверил. Короче, едва сюжет про него в эфир вышел, прикатили крепкие мужики и наподдавали Валерке, а в подъездах объявления повесили: «Сизов никогда не участвовал в боевых действиях. Служил при штабе, бумаги перекладывал. Его ордена куплены на рынке. Рассказ о подвигах – вранье. Ногу он потерял, попав по пьяни под машину. Не верьте подлецу. Хотите узнать подробности, звоните». И внизу телефоны. Кое-кто из соседей звякнул, детали выяснил, и народ Валерке бойкот объявил. Вера в больницу с инфарктом попала и умерла. А Сизов квартиру поменял, спешно уехал. Где он сейчас, понятия не имею. Да вы у Галины спросите, у сестры его, та в соседнем доме живет.

– У Валерия Яковлевича есть близкая родственница? – удивился Николай Михайлович, который знал, что по документам у Сизова числятся лишь дочь и внук.

– Ну да, – закивал Рогов. – Мрачная такая, нелюдимая. К брату часто приходила, они с Верой не разлей вода были. Фамилии ее не помню, а вот квартиру знаю – на первом этаже живет, на подоконнике цветов полно.

Николай Михайлович живо отыскал Галину Петровну Гренкину. Пришел к ней и увидел на стене гостиной большое количество разнокалиберных картин. Они не представляли никакой ценности, похоже, покупались на улицах у тех художников, которые за небольшую плату охотно нарисуют заказчика хоть в образе царя. Но, чтобы расположить к себе действительно мрачную на вид хозяйку, Дергачев начал нахваливать мазню.

Галина слегка оживилась, сказала, что любит и коллекционирует искусство, специально откладывает часть пенсии на покупку очередного полотна.

– Сама хотела художницей стать, – призналась пенсионерка, – но родители запретили даже думать об этом. Сказали: «Негоже краски кисточкой по бумаге размазывать, получи нормальную профессию». Вот и пришлось в техникум поступать. Только на старости лет смогла творчеством заняться – записалась в художественную студию при одной галерее. Там с пенсионеров денег не берут, хожу туда два раза в неделю.

Вдруг Николай Михайлович заметил небольшую, размером с почтовую открытку картинку и замер. Этот рисунок был выполнен явно талантливым человеком и кардинально отличался от остальных «произведений». На листке изображена комната с красными бархатными занавесками, посередине сидит на стуле привязанный мужчина, одетый как крестьянин пару-тройку веков назад. Вокруг валяются ремни, кнуты, палки, камни. Справа изображено какое-то современное военное сражение – на поле боя танки, пушки, солдаты в советской военной форме. Слева вверху лежат два окровавленных женских тела, одна несчастная совсем молодая, и возле нее сидит покрытый синяками маленький мальчик. В нижней части композиции стол, за ним восседает судья в парике и с деревянным молотком в руке. Его лицо, как, впрочем, и лица женщин с малышом, размыты. А вот в селянине четко угадываются черты Валерия Яковлевича Сизова.

– Откуда у вас это? – резко спросил Николай Михайлович.

– Странная вещь, – поморщилась Галина. – Очень мрачная, мне такие никогда не нравились, я люблю солнечные, добрые произведения. И уж больно мелкая, у меня глаза слабые, трудно детали рассмотреть. Но ее Катенька мне подарила, вот и пришлось повесить.

– Племянница не рассказывала, где взяла картинку? – насел на хозяйку Дергачев.

Галина Петровна пояснила:

– Денег у Кати мало, я знаю, каковы ее доходы, дорогой подарок она мне на день рождения сделать не могла. Отругала девчонку, когда она эту жуть мне принесла. Я-то в курсе, сколько художники за живопись просят, меньше чем за три тысячи никогда ничего не отдадут, совсем обнаглели. А Катюша ответила: «Не переживай, я только на рамочку потратилась, нашла симпатичную и недорогую. А рисунок обычная почтовая открытка, я нашла ее в нашем ящике, лежала в конверте без адреса. Видимо, какая-то фирма рекламу разложила. Не поняла, правда, чего они продают, и телефона там нет. Но сделано красиво».

– Вы не узнали мужчину, привязанного к стулу? – уточнил Дергачев.

– Нет, очень уж у него лицо миниатюрно нарисовано, – прищурилась Галина Петровна. – У меня дальнозоркость, вблизи ничего не различу, а далеко тоже плоховато детали вижу. Надо бы очки заказать, да они дорогие.

И тут Дергачев, неожиданно поняв, в чем дело, задал следующий вопрос:

– Ваш брат часто бил жену, дочь и внука?

Пенсионерка покраснела, ее глаза наполнились слезами.

– Нет! Никогда! Валера хороший человек, герой афганской войны…

Следователь остановил ее:

– Извините, что перебиваю, но вы прекрасно знаете, что Сизов никогда не принимал участия в боевых операциях. И был даже вынужден сменить место жительства после того, как его за вранье побили настоящие ветераны.

Гренкина разрыдалась и выложила правду. С Сизовым они двоюродные брат и сестра. Галина, не имеющая собственных детей, очень любит Катю, поэтому изо всех сил всегда старалась ей помочь. Валера хороший человек, но у него

случаются припадки немотивированной ярости. В такой момент он не владеет собой. Свою жену Сизов начал бить на второй день после свадьбы, но позднее отстал от нее, переключился на дочку. Когда же на свет появился Андрюша, дед стал измываться над внуком.

– Вот почему Екатерина часто «болела» в детстве, – догадался Дергачев. – И понятно, из-за чего Андрей неделями не посещал садик – мать ждала, пока у крошки сойдут синяки. Почему вы не обратились за помощью?

Галина Петровна накинула на плечи платок.

– Господь терпел и нам велел. Всех баб лупят. Моей маменьке покойной часто от отца доставалось. И, между прочим, почти всегда за дело – деньги у матушки в руках не задерживались. Принесет папка зарплату, предупредит: «Расходуй аккуратно». Куда там! В первый день всего понакупит, конфет шоколадных…

– Хорошо, пусть Вера тоже не умела вести домашнее хозяйство, – перебил Николай Михайлович, – и Катя выросла белоручкой. Но чем провинился Андрюша?

Пенсионерка опустила голову.

– Ребенка с ранних лет надо уму-разуму учить, не то бандитом вырастет. Всех в детстве пороли, а как иначе… Чего вы ко мне привязались? Валерка здоровый был, начнешь возражать, он как вмажет! А потом из дома не выпускает, пока бланш не рассосется. Я бы никогда к нему не ходила, но жили-то рядом, через двор. Брат приказывал к нему являться, орал: «Ты, дура, мужа не имеешь, а баба не способна одна жить, глупости делаешь, зарплату по ветру пускаешь». Забирал у меня получку и выдавал по крохам, а то, что экономилось, прятал, говорил: «Вот помрешь, на что тебя, шалаву, хоронить? Надо запас иметь». Катя, когда отец ее, беременную, измутузил, в полицию пошла, а там ответили: «Мы семейными ссорами не занимаемся. Вот если он вас убьет, тогда вызывайте, приедем». Когда Сизов квартиру поменял, я неделю от радости плясала. На другом конце Москвы брат оказался, ему до старой квартиры два часа теперь на перекладных добираться, сначала на трамвае до метро, в подземке две пересадки, потом на маршрутке, дальше пешком. Я сразу сообразила, что он сюда не поедет, побоится столкнуться с соседями, которые теперь о нем правду знают. Валерка звонить начал, визжал: «Немедленно, дура, свою нору продавай,

переезжай ближе ко мне!» А я сбегала на телефонный узел, все, как есть, про двоюродного брата начальнику рассказала, тот оказался хорошим человеком, номер мне поменял. Все. Живу теперь свободно.

– Екатерине с Андреем так не повезло, – вздохнул Николай Михайлович. – Вы и с ними оборвали связь?

Галина Петровна показала на картинку.

– Сказала же, ее Катюша подарила. С ней и мальчиком я общалась. В основном, правда, по телефону. Но несколько раз в год они сюда тайком от ирода приезжали.

– Где сейчас Катя находится, знаете? – задал следующий вопрос Дергачев.

Гренкина опустила голову.

– Нет. Думаю, она сбежала от Валерки. За неделю, кажется, до его убийства она мне звякнула и предупредила: «Тетя Галя, если услышишь, что мы с Андрюшей не пойми куда делись, не пугайся. Все хорошо». Я заволновалась, стала вопросы задавать, а она перебила: «Больше ничего не скажу. И так правила нарушила. Запрещено о том, что я сделаю, рассказывать. Если узнают, что я тебе звонила, не пойдем по дороге».

– Ваша племянница собиралась сесть на поезд? – тут же сделал стойку следователь.

– Сказала: «Не пойдем по дороге», – повторила Галина Петровна, – слова «железная» не говорила. Хотя, может, я неправильно расслышала или Катюша оговорилась. Не собиралась же она куда-то пешком с малышом переть.

Уже стоя в прихожей, Николай Михайлович задал последний вопрос:

– В документах Сизова двоюродная сестра не указана, вас не оповещали о гибели брата, а Катя исчезла до убийства отца. Откуда вы узнали о смерти Валерия?

Галина спокойно ответила:

– Утром встала, телик включила, не помню, какой канал. У нас в доме антенну коммерческую установили, теперь хоть обсмотрись, полно всего. Тогда как раз новости криминальные показывали. Гляжу – фото Валерия, да не современное, а десятилетней примерно давности. А потом корреспондент про труп, найденный в брошенном доме, рассказал. Я на радостях себе зефиру в шоколаде купила. Сдох гад. Может, теперь Катюша вернется? Бояться ей больше некого.

Дергачев и Панов поняли, что их версия об ангеле-мстителе верна. Убийца знал о том, что Львова требует бесконечной благодарности от людей, которым оказывает помощь, доводит их до истерики, до разрыва отношений с собой, и немедленно прекращает покупать лекарство смертельно больному ребенку, тем самым убивая его. И преступнику было в деталях известно, что творилось за фасадом с виду вполне нормальной семьи Сизовых. Жанна и Валерий где-то пересекались, и в этой точке они столкнулись с киллером, который смог выведать о них правду.

Но тщательная проверка контактов жертв не дала результатов. Бизнесвумен и «герой войны» жили в разных мирах, их ничто не связывало. Ничто, кроме маленькой открытки, которую и мужчина, и женщина получили незадолго до смерти.

Валерий Яковлевич послание не увидел, конверт из почтового ящика вынула Катя и, приняв его содержимое за какую-то рекламу, вставила картинку в рамочку и подарила тете. А вот Львова, похоже, сама вскрыла конверт.

Почему Жанна Сергеевна не испугалась, увидев собственное изображение в страшноватом сюжете? По какой причине сохранила мрачную картинку? Ответов на вопросы пока не находилось. А вот эксперты, тщательно изучившие рисунки, рассказали много интересного.

Глава 7

По мнению криминалистов, автор обоих посланий один человек. Манера, в которой работает художник, уникальна, такой техникой сейчас мало кто владеет, ее корни тянутся в четырнадцатый век.

Тогда в одном из монастырей Китая был придуман особый вид небольших, как правило, размером с ладонь, картин. Художники использовали специальные кисти, сделанные из шерсти живущих только в одной провинции обезьянок, а краски изготавливались из коры деревьев, цветов и яиц. Китайцы всегда отличались трудолюбием и методичностью, рисовальщики не торопились, процесс создания небольшого полотна мог растянуться на годы. Для работы требовалась особая многослойная рисовая бумага, причем большое значение придавалось положению звезд на небе – в некоторые дни художник не имел права переступать порог мастерской, в другие сутки ему предписывалось трудиться исключительно по ночам. Известен случай, когда один мандарин в день появления на свет сына заказал монастырю такую картинку, чтобы преподнести ее своему долгожданному наследнику в момент его бракосочетания. И вот, когда через шестнадцать лет мальчик стал женихом, оказалось, что мастер не успел дописать произведение.

В древние времена «ладошки», так назвали полотна современные искусствоведы, стоили баснословно дорого, обладать ими могла лишь знать. Сейчас в мире существует несколько школ, где обучают этой старинной технике, и пара магазинов, где можно купить особые кисти, краски из натуральных материалов, бумагу, рамы – короче, все необходимое. Удовольствие совсем недешевое, китайского трудолюбия и терпения у европейцев с американцами нет, поэтому настоящие «ладошки» пишут только немногие художники в Поднебесной, и заплатить за их творчество придется ошеломительную сумму. В России, где люди во все века любили монументальные произведения живописи, миниатюры особым успехом не пользуются. В них надо тщательно всматриваться, изучать изображение, смаковать крохотные нюансы, беседовать с живописцем, чтобы тот указал на детали, которые ваш неискушенный взгляд не заметил.

«Ладошка» не сразу открывается владельцу. Сначала человек считывает самую простую информацию, видит лишь пейзаж, портрет или натюрморт. Потом, порой – спустя годы, если коллекционер вдумчив, он начинает понимать замысел художника. И нужно обладать большими знаниями истории, религии, литературы, чтобы полностью вникнуть в него. Обычный любитель живописи увидит на полотне, скажем, вазу, сидящую около нее маленькую голубую

птичку, оценит тонкую работу мастера, восхитится игрой света, необычным выбором красок. Но тот, кто умеет читать «ладошки», поймет: художник, создавая эту, находился в полнейшем спокойствии. Вот если бы около вазы, причем не слева, а справа, находилась не птичка, а кошка, тогда было бы ясно, что создатель полотна полон активности. Если ты постоянно нервничаешь, покупай первую миниатюру, если пребываешь в депрессии – бери вторую. Неправильно подобранная «ладошка» передаст владельцу не те эмоции и может навредить ему.

Картинки, полученные Львовой и Сизовым, не являлись уникальными произведениями. Эксперт, изучивший их, сказал:

– Тот, кто нарисовал миниатюры, находится в самом начале творческого пути, делает лишь первые шаги. Его нельзя назвать ни мастером, ни даже умелым подмастерьем, он – ученик-первоклассник. Да, бумага, краски, кисти правильные, но нет мастерства и зрелой вдумчивости. В Москве есть только одна студия, где обучают искусству создавать «ладошки», она открыта при картинной галерее, которой владеет Елена Львовна Козина. Я видел в каком-то журнале интервью с дамой, и там было фото одной работы студийца, который пытается творить в манере древних китайцев. Это оказалась этакая рашен-«ладошка». Китайской тщательности в ней не было. Думаю, ваш художник занимается там.

Панов и Дергачев аккуратно навели справки о Елене Козиной и выяснили следующее. Энтузиастка открыла при своей галерее лекторий для тех, кто хочет познакомиться с историей живописи, узнать биографии художников. Еще она приглашает на занятия всех, кто мечтает сам писать картины, для них работает кружок, где преподаватель учит правильно держать кисти, объясняет, как составить композицию. Раз в месяц в галерею Козиной приходят искусствоведы из разных музеев и рассказывают слушателям о собраниях своих хранилищ. Но никакой открытой для всех студии по созданию «ладошек» нет. Есть несколько человек, близких друзей галеристки, они-то и увлекаются написанием миниатюр.

Постороннему в узкий круг избранных попасть трудно, но можно. Козина по пятницам организовывает тематические чаепития, на которые приглашает самых разных понравившихся ей людей. Ни малейшего налета снобизма у Елены Львовны нет, ей все равно, чем занимается человек, лишь бы он был талантлив в своем деле. За столом легко могут оказаться и великий тенор, и… сапожник.

Маленькая деталь: к последнему клиенты слетаются со всего мира, потому что никто, кроме него, не способен так стачать ботинки.

Где Елена Львовна находит своих гениев? Да в любом месте. Как-то раз дама в поисках туалета зашла в совсем не пафосное, не модное, не дорогое кафе, заказала там чашечку кофе и кусок яблочного пирога, а сама отправилась в туалет. С санузлами в Москве плохо, и Козина, часто бывающая в Европе, поступает здесь так, как принято в Париже или Берлине, – забегает в трактир, берет напиток, затем идет в дамскую комнату, а потом удаляется, даже не взглянув на кофе. Неприлично же просто так забежать в сортир, надо сделать минимальный заказ. Но в тот день Елена Львовна глянула на пирог, отломила малую толику, затем съела все и купила домой разных пирожных. Начала регулярно заезжать в заведение и познакомилась с его владелицей и кондитером в одном лице – с Асей Мухиной, простой, не имеющей особого образования тетушкой с гениальными руками. И вот уже много лет Мухина дорогой гость на всех мероприятиях Козиной, входит в ближайший круг галерейщицы и увлекается написанием «ладошек».

Едва Панов и Дергачев выяснили фамилии людей, которые обучались древней китайской живописи, как пришли ответы из магазинов, где торгуют нужными кистями, красками и бумагой. Таких торговых точек во всем мире всего три, клиентов, в основном делающих заказы через Интернет, у них не очень много, в России таковым оказался один человек – Елена Львовна Козина. Владелец лавки, американец, сообщив, что он является законопослушным гражданином, поэтому и согласился помочь российской полиции, написал далее в письме: «Я очень надеюсь, что госпожа Козина, хорошо известный мне торговец живописью, не замешана ни в чем предосудительном. Она заказывает расходные материалы для нескольких людей, на мой взгляд, их шесть-восемь. Точное число назвать сложно, так как некоторые художники любят пользоваться сразу двойным набором средств».

Поскольку эксперт-криминалист был уверен, что найденные у Галины Петровны Гренкиной и Жанны Сергеевны Львовой «ладошки» созданы на правильной бумаге с помощью аутентичных кистей и красок, изготовленных по древним рецептам, Панов и Дергачев предположили, что автор, изобразивший сцены суда, входит в ближайший круг друзей галерейщицы. Расспрашивать о нем саму Козину нельзя – преступник может узнать, что им интересуются, и скрыться.

Следователям стало понятно: необходимо подружиться с искусствоведом и аккуратно разведать обстановку. Но это легко сказать, да трудно сделать. Козина приближает к себе исключительно гениев, а никаких талантливых людей в окружении полицейских не наблюдалось. Но в конце концов у них родился план.

Хозяйка галерии – большая модница, о ее страсти к нарядам ходят легенды. Но Елена Львовна не любит вещи от известных брендов. Ей не хочется прийти в театр и оказаться в ложе бенуара рядом с супругой какого-нибудь короля бензоколонки, одетой в одинаковое с ней платье. Дама предпочитает оригинальные, сделанные в единичном варианте туалеты и частенько жалуется на отсутствие в Москве интересных модельеров. Через пару месяцев у Елены Львовны юбилей. Количество прожитых лет она не афиширует, но праздник готовит грандиозный. Нужно платье. Необыкновенное. Такое, чтобы все ахнули. И она до сих пор его не нашла.

Откуда полицейские узнали об этом? Спасибо Интернету! Галерейщица часто дает интервью. Николай Михайлович порылся в Сети, почитал разные выступления Козиной и увидел последнее, опубликованное совсем недавно. На вопрос корреспондента «Как идет подготовка к вашему юбилею? Наверное, сшили потрясающую обновку?» галерейщица ответила: «На вечеринке будет много интересного не только для моих друзей, но и для любителей живописи. А вот с нарядом я пока не определилась, все, что предлагают, выглядит скучно».

Тогда следователи решили подсунуть даме гениального портняжку, роль которого исполнит Егор Бочкин. На мой взгляд, менее подходящей кандидатуры, чем ужасный парень, на свете не сыскать, и я честно высказала свое мнение Панову с Дергачевым, когда те попросили меня о помощи.

– Ну, не так уж наш Гоша и плох, – улыбнулся Вадим Олегович. – Просто он тебе не нравится.

– Зато Егор из того типа мужчин, которые привлекают Козину, – растолковал Николай Михайлович. – Все ее любовники намного моложе галерейщицы и внешне выглядят как Бочкин.

– Пусть так, – согласилась я. – Но какова моя роль?

– Легенда Егора незатейлива, – пустился в объяснения Вадим. – Он приехал в Москву из Челябинска, пытается пробиться, шьет эксклюзивную одежду. Но ее пока мало кто покупает. У парня есть невеста Степанида, вот она весьма удачно строит карьеру, за сравнительно короткий срок стала ведущим визажистом фирмы «Бак». Бочкин живет у девушки, они собираются пожениться. Чтобы прорекламировать творчество жениха, Степа надевает на светские мероприятия сшитые им наряды. Все крайне просто. Твоя задача присмотреть, чтобы Егор не наделал глупостей, вел себя так, как представители фэшн-тусовки. Еще момент, если Елена Львовна неожиданно проявит несвойственную ей подозрительность и захочет проверить вас, то она выяснит, что ни слова лжи о себе молодые люди не сказали. Егор на самом деле из Челябинска, в Москву его перевели не так давно, а о том, что Бочкин сотрудник нашего подразделения, нигде не указано. Конечно, правду о месте его работы можно выяснить, но нарыть о нем сведения удастся только профессионалу. Козиной нет необходимости глубоко копать, ей вполне хватит той информации, которая плавает на поверхности. Куда ткнется обычный человек, желая узнать что-то о коллеге по работе или соседе? «Фейсбук», «ВКонтакте», «Одноклассники», «Твиттер»… У Егора везде открыты странички, там фото его платьев, общение с приятелями. Еще мы сделали ему сайт, где «модельер» представляет свои работы. А в Твиттере он ведет переписку с секретарями нескольких обеспеченных и знаменитых людей, пытается найти себе спонсора. Галерейщица увидит активность Бочкина в соцсетях, и ей даже в голову не придет, что парень полицейский.

– Ты ему глаза накрась, – посоветовал Николай Михайлович. – Меня жена один раз на показ мод затащила, так там главный дизайнер весь нарумяненный был, с серьгами и браслетами.

– А с тобой совсем просто. У тебя ни одного темного пятна в биографии, никаких связей с криминальным миром, ты действительно визажист и чиста, как слеза младенца, – договорил Вадим Олегович.

Я вдруг вспомнила Филиппа Корсакова[9 - О знакомстве Степаниды с Филиппом Корсаковым рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Княжна с тараканами», издательство «Эксмо».] и ощутила прилив тоски. Более мы никогда не встретимся. Интересно, как бы отреагировал Фил, услышав предложение Панова и Дергачева? В ушах прозвучал приятный баритон: «Степа, не лезь туда, куда тебя тянут! Ты уже наступила на эти грабли!»

– Уже один раз я наступила на эти грабли, – повторила я последнюю фразу вслух. – Ситуация была прямо как ваша. Якименко решил внедрить в театр «Небеса» своего сотрудника Михаила, попросив представить его в качестве моего жениха-стилиста и приглядеть за Невзоровым.

– Мы знаем эту историю, – кивнул Николай Михайлович.

– Дважды в одном болоте не плавают, – отрезала я. – В тот раз дело закончилось так плохо, что я до сих пор вздрагиваю, вспоминая.

– Помоги нам, а мы потом поможем тебе, – пообещал Вадим Олегович.

– Вот спасибо! – язвительно воскликнула я. – Надеюсь, мне никогда не понадобятся услуги особого отдела, занимающегося поимкой маньяков. Нет, даже если украсите ручку грабель бриллиантами «Шах» и «Голубой орел», я не стану во второй раз наступать на них.

Не добившись моего согласия, Панов с Дергачевым отправились прямиком к Звягину. А потом Роман Глебович позвал меня к себе домой на ужин и неожиданно признался.

– У нас неприятности – на «Бак» наезжает налоговая инспекция. Уверен, что все в конце концов образуется, но нервов попортят изрядно, и денег фирма на улаживание конфликта выложит немало. Если же ты согласишься помочь Панову и компании, то нас прямо завтра оставят в покое. Я не имею права просить тебя о такой услуге, но тем не менее рассказываю, как обстоят дела. Кстати! Если ты решишь посотрудничать временно с полицией, введу тебя в состав Совета директоров, создам должность вице-президента по макияжу. Соответственно вырастет твой оклад и укрепится влияние в фэшн-мире.

– Ну, тогда все окончательно убедятся, что я сплю с владельцем фирмы «Бак», – вырвалось у меня. – Ведь история про налоги и поимку убийцы не подлежит разглашению.

Роман рассмеялся.

– И что? Пусть болтают. Я недавно развелся, теперь холост, еще не пенсионер. Ты не замужем. Что плохого в нашем несуществующем романе?

– Ничего, – вздохнула я. – Но немного обидно, когда твое заслуженное продвижение по службе считают результатом постельных игр. Хочется, чтобы оценивали по делам. Ладно, ради «Бака» я готова стать мастером спорта по граблям. Похоже, буду в данном виде олимпийской чемпионкой. Только золотую медаль навряд ли дадут.

– Вот заладила – грабли, грабли… – усмехнулся Роман. – Давай называть ситуацию иначе: парный случай. Согласись, так ведь приятнее звучит. И вторая попытка всегда получается успешнее первой. Не зря же спортсменам на соревнованиях разрешают многократно преодолевать высоту или прыгать с вышки в воду.

– Надеюсь, мне не предложат в третий-пятый-десятый раз бороться за первое место по использованию садово-огородного инвентаря не по назначению, – вздохнула я.

Глава 8

Узнав о моем согласии, Вадим Олегович и Николай Михайлович развили бурную активность. В одном из московских загсов появилось заявление от Козловой и Бочкина. Я привела Егора на работу и, словно невзначай, сказала Зое Федоровой, главной сплетнице фирмы:

– Знакомься, мой жених-модельер.

Бочкин расшаркался, Федорова выкатила глаза, и через пятнадцать минут по всему многоэтажному флагманскому бутику и центральному офису «Бака» разлетелась весть: Козлова собралась под венец с каким-то провинциалом, возомнившим себя Карлом Лагерфельдом, Ив-Сен-Лораном и Коко Шанель в одной упаковке. Где-то в районе пяти вечера я, желая проверить, как продавщицы разложили новый товар, спустилась на первый этаж и услышала, как за колонной около стенда с тональными кремами шепчутся две девицы из

пиар-отдела.

– Видела жениха Козловой? – спросила Елена.

– Не-а. Как он? – поинтересовалась Татьяна.

– Крутой чел, – хихикнула коллега. – Из Челябинска.

– Фу-у… – протянула Таня. – Ее что, Звягин вон послал?

– Наверное. Кто же по своей воле Романа на хмыря поменяет? – заржала Елена. – Съезжает Степанида с горы. Вот увидишь, через пару месяцев ее ваще уволят.

– Как же, ведущий стилист… Слушай, и чего мужики в Козловой находят? С Романом спит, Франсуа крутит, как хочет, – Арни от нее без ума, без Степки никуда не ездит, а теперь еще и женихом обзавелась.

– Из Челябинска, – напомнила Елена. – Без квартиры и без денег, нищий совсем. Вот у нас с тобой другие запросы, мы с сибирскими медведями не якшаемся.

– Ага, в одиночестве везде ходим, – мрачно отметила Татьяна. – Скоро тридцать стукнет, а рядом никого. Челябинск большой город, может, там нормальные парни живут. Ну почему одним все, а другим фига?

Я осторожно, на цыпочках, подкралась к парочке и пропела:

– Здравствуйте, девочки.

Лена с Таней подпрыгнули, как ужаленные осами ехидны, и затараторили:

– Степонька, а правда, что ты замуж выходишь? Мы так за тебя рады! Просто счастливы!

Я с улыбкой на лице слушала сладкие речи красавиц и думала про себя: «Представляю, как вам станет плохо после того, как Роман сделает меня вице-президентом по макияжу. Ладно, давайте, ставьте мне на дороге вторые,

третьи, пятые грабли, я молча пошагаю по ним, чтобы довести до нервного припадка таких вот «подруг», как эти».

Честно говоря, я и не предполагала найти в своей душе безбрежный океан тщеславия вкупе с желанием отомстить всем, кто разносит обо мне гадости. Недавно услышала по телевизору, как одна балерина называет своих коллег «клубок целующихся змей». Жаль, она не видела закулисья нашего мира вечной красоты. У нас и того хуже, не серпентарий, а загон с грызунами-людоедами!

На следующий день я ушла в отпуск, и мы с Бочкиным приступили к работе. В прошлую пятницу парочка модельер – визажист явилась в галерею Козиной на вернисаж какого-то художника, чью фамилию я тут же благополучно забыла. На мне было платье из разноцветных кожаных ремней, украшенных ориентальным узором. Где начальники спецотдела раздобыли этот наряд, не знаю, но издали он выглядел сногсшибательно. (Правда, влезать в платьишко пришлось около часа – каждый ремешок требовалось застегнуть отдельно. И когда процесс, наконец, завершился, я почувствовала себя туго спеленутым младенцем.) К тому же рядом находился Егор, который, несмотря на предупреждение, все же переборщил с одеколоном. Мало мне было неудобного, жесткого, натирающего кожу прикида, так еще приходилось задыхаться, стоя рядом с Бочкиным, и постоянно шипеть ему в уши:

– Не три глаза, они накрашены. Не трогай волосы, испортишь прическу. Не смей лопать бутерброды, это дурной тон. Улыбайся. Посмотри в упор на хозяйку.

– Отстань, – разозлился Егор, – мне надо в туалет.

Я вцепилась в рукав жениха.

– Пошли вместе.

– В мужской сортир? – развеселился Бочкин.

– Вадим Олегович велел тебя одного никуда не отпускать, – напомнила я.

– Ладно, потерплю, – вздохнул мой спутник. – Слушай, ты вся красная. Хочешь воды?

– Лучше вязальную спицу, – пробурчала я, – тело нестерпимо чешется. Где твои руководители нашли мой креативный наряд?

– Понятия не имею, – признался жених. – А тебе не нравится? Смотрится очень красиво.

– Напоминает анекдот про помидоры, – скривилась я. – У Гиви спросили: «Ты любишь томаты?» «Смотреть – да, а есть – нет», – ответил он. На это платьишко надо любоваться издали, натягивать его не стоит.

Егор засмеялся.

– Вон там, в кадке с пальмой, торчит тоненькая подпорка. Хочешь принесу ее? Ты от души поскребешься.

– Ни в коем случае! – испугалась я. – Веди себя прилично.

– Давай сбегаю для тебя за минералкой, – предложил Бочкин.

– Ступай, – разрешила я.

Егор юркнул в толпу, и я потеряла его из вида. Спустя пять минут забеспокоилась, начала озираться и услышала чуть хриплый низкий голос:

– Вы кого-то ищете?

Я повернулась на звук и увидела Елену Львовну.

– У вас платье невероятной красоты, – сказала хозяйка салона. – Уж простите за любопытство, кто его автор?

Я поняла, что рыбка клюнула на крючок, и заулыбалась.

– Егор Бочкин, мой жених.

– Изумительно! – всплеснула руками галерейщица. – Это натуральная кожа? Потрясающая идея.

В общем, план Панова и Дергачева сработал на все сто. Козина заинтересовалась работами Егора, и сегодня мы приглашены к ней в гости – дамочка загорелась желанием заказать у Бочкина наряд для юбилея.

Пока «жених» принимал душ, я слегка подкрасилась, привела в порядок прическу и начала надевать комбинезон, в котором мне надлежало предстать пред очами галерейщицы. Брюки и пришитый к ним топ были сделаны из неплотного эластичного материала – множество разнокалиберных колец, скрепленных между собой и нашитых на черную ткань. По спине шла длинная молния, штанишки оказались до предела узкими, а рукава широкими. Кое-как я сумела застегнуть застежку, сделала несколько шагов и остановилась. Подкладка безбожно царапалась, но со стороны одеяние выглядело весьма необычно. От любого моего движения колечки шевелились, причем каждое двигалось по-своему: одно влево, другое вправо, третье вверх, четвертое вниз, а их внутренние стороны были разного цвета, отчего я в комбинезоне напоминала детскую игрушку калейдоскоп. Помните эту картонную трубочку? Вертишь ее и видишь, как осколки стекла внутри всякий раз складываются в новый узор. Наряд на самом деле выглядел эффектно, но вот беда, использовать его в повседневной жизни не представлялось возможным. Впрочем, то же самое относится ко всем так называемым подиумным моделям – издали они прекрасны, а в носке отвратительны.

Елена Львовна жила на первом этаже небольшого старинного особняка. Квартира галерейщицы оказалась огромной, имела отдельный вход с улицы, а дизайнер оформил интерьер в черно-белых тонах. У меня слегка зарябило в глазах от диванов и кресел, которые походили на шахматные доски.

Козина ввела нас в гостиную и громко сказала:

– Знакомьтесь, Егор и Степанида. На ней комбинезон, который придумал и сшил ее жених.

– Потрясающе! – воскликнула полная тетенька, смахивающая на пирожок с капустой.

– Это Ася Альбертовна Мухина, – улыбнулась хозяйка, – лучший в мире кондитер. Вы любите пирожные?

Вопрос явно адресовался Егору, но ответила я:

– Обожаю. Только ем их исключительно глазами.

– Почему? – удивилась Мухина. – Вам можно не сидеть на диете.

– Она ведущий специалист фирмы «Бак», – без спроса влез в беседу Егор. – У них в мире красоты все на тощизне повернуты.

Я скрипнула зубами. Как только выйдем отсюда, сразу сообщу Вадиму Олеговичу, что Бочкин меня не слушается. Велела ему помалкивать, а парень распустил язык, и вот вам два ляпа в первой же произнесенной им фразе. Ни один модельер не назовет визажиста специалистом, и фразу «у них в мире красоты все на тощизне повернуты» не произнесет ни один представитель фэшн-бизнеса. Надо попытаться исправить положение.

– Вот поэтому, милый, – глупо захихикала я, – тебе гадости на показах и делают. Не надо противопоставлять себя окружающим. Надо улыбаться людям, а ты всем в глаза правду рубишь.

И посмотрела на Асю.

– Вчера Гоша обозвал моделей сутулыми палками, а потом прочитал им лекцию о женской красоте, заявив: «В кривом мире фэшн и принцессы горбатые. Я же хочу работать для прекрасных дам». Знаете, какой размер одежды Егор считает оптимальным? Пятидесятый!

– Ну это ты уж перехватила… – начал Бочкин, но я незаметно ущипнула идиота за бок.

Нет, в следующий раз приду с ним к галерейщице, закупорив рот красавца пробкой для ванны.

– А я согласен с гостем, – подал голос худой длинноволосый мужчина, наряженный в желто-коричневую размахайку и синие шаровары с вышивкой. – Пример идеальной женской фигуры – наша Елена. Ты какой размер носишь, Аленушка?

– Ох уж эти мужчины… – укоризненно произнесла дама в ярко-розовом платье. – Никита, разве можно задавать подобные вопросы? И потом, ты у нас шаман, колдун, предсказатель. Сам должен знать ответ.

– Чтобы узнать истину, мне надо посоветоваться с Као, – торжественно объявил Никита. – А великий дух нельзя беспокоить по пустякам.

Козина улыбнулась.

– У меня как раз пятидесятый размер. К чему делать тайну из очевидного? Приятно слышать, что Егор считает мою фигуру идеальной.

Я опустила глаза. Степа, ты молодец, ухитрилась исправить тупость Бочкина и сделать так, что хозяйка еще больше очаровалась идиотом. Надеюсь, женишок уже осознал свои ошибки и теперь прикусит свой болтливый язык. И тут…

– Пятидесятый? – воскликнул полицейский. – Неужели? У моей тетки такой. Она недавно в Москву приезжала, я покупал ей юбку на рынке в подарок. Отлично помню, что на ярлычке стояли цифры пять и ноль. Но Марина меньше вас!

С огромным трудом я удержала на лице улыбку. Ладно, чудовищную невоспитанность Бочкина присутствующие могут счесть за эпатажное поведение модельера. Но приобретать одежду на толкучке, пусть и для какой-то там периферийной родственницы, модельер не может! Надо опять бросаться грудью на амбразуру.

– Егор любит прогуливаться по людным местам, – затараторила я, – его вдохновляет уличная мода. А из ужаса, которым торгуют вьетнамцы, иногда может получиться нечто забавное. Вот, гляньте на мой комбинезон. Гоша в очередной раз отправился в вояж по рынкам, увидел лавку с тканями, купил вот этот материал, и получилась гениальная вещь. Милый, покажи свои работы.

Бочкин вытащил из сумки толстый альбом и сел рядом с Еленой Львовной к столу. К ним присоединились Никита с Асей и женщина в розовом.

– Феноменально! – воскликнула через пару секунд Мухина. – Алена, светло-бежевое – просто супер.

– Оно сильно смахивает на свадебное, – не согласился Никита. – Кружевное забавнее. Что скажешь, Вероника?

Тетка в наряде Барби захлопала в ладоши.

– Цвет чумовой. Низ «тюльпан», верх размахайка – так не шьют, потому что любая женщина, нацепив такой прикид, будет смахивать на мешок с песком. Но Егор придумал пояс и трикотажную вставку от шеи до талии. Забавно. Привлекает внимание.

Я слегка расслабилась. Проследила глазами за пожилой горничной, которая принесла большой чайник, и тихо спросила у нее:

– Простите, где здесь туалет для гостей?

– Направо, мимо статуи «Бесконечность», через холл с пуфиком, вторая дверь налево, – проинструктировала меня домработница. – Если подождете пару минут, я провожу вас.

– Спасибо, сама найду, – отказалась я от любезного предложения.

Глава 9

Статуи «Бесконечность» я не увидела. Хотя, может, здоровенная напольная ваза в виде бесформенного комка меди, мимо которой я только что прошла, и есть то самое творение скульптора? А вот здоровенный круглый пуфик, о котором упомянула горничная, я сразу узнала, он громоздился посередине холла и смахивал на пончик, даже цвет был соответствующий – нежно-золотистый, уютный. Он словно манил: «Присядь, отдохни, смотри, какой я уютный». У меня

не было ни малейшего желания останавливаться, действительно очень хотелось в туалет – подкладка так царапала кожу, что я мечтала расстегнуть хоть на пару минут комбинезон и от души почесаться. Но пуфик-великан все-таки притянул меня к себе.

Я опустилась на холодную кожу, утонула в мягкой подушке и увидела на потолке люстру, похожую на большого паука. Брюшком ему служила большая, ничем не прикрытая электролампочка, от нее в разные стороны отходили «лапки», на концах которых покачивались прикрепленные обычными деревянными прищепками листки белой бумаги. «Пончик» в самом деле оказался невероятно уютным, я провалилась в него очень глубоко, колени поднялись почти до уровня носа. Неожиданно на меня напало оцепенение, и я решила несколько минут побыть в одиночестве. Может, тогда мое раздражение на Бочкина пройдет?

Понятия не имею, сколько времени прошло, пока в голове вяло тасовались сведения, полученные накануне от Вадима Олеговича, – Панов подробно рассказал мне обо всех членах кружка рисования «ладошек». Мужчина в желто-коричневой размахайке – это шаман, экстрасенс и предсказатель будущего Никита Перфилов. Приехал в Москву из Бурятии, с Козиной познакомился на съемках какой-то телепрограммы, соревнования магов. Он принес в студию парочку картин и утверждал, что люди, которые повесят их в своих спальнях, избавятся от депрессии и разных заболеваний. Ведущий шоу откровенно подсмеивался над шаманом, а потом обратился к экспертам. Двое из них назвали колдуна мошенником. А вот третий член команды судей, коим была Елена Львовна, придерживался другого мнения. Козина не стала ругать повелителя духов.

– Каждое талантливое произведение может повлиять на человека, – заявила галерейщица. – Если автор вложил в картину добрый посыл, то все, кто прикоснется к его работе, получат положительный эмоциональный заряд. Я вижу в полотнах Перфилова много доброты, это делает их нужными.

В студии разгорелась жаркая дискуссия. После окончания съемок ведущий попросил у кого-то таблетку от головной боли. Никита случайно услышал его слова и предложил:

– Зачем вам лекарство? Погубите печень. Давайте я уберу дискомфорт…

И на глазах у телебригады за пять минут избавил телезвезду от приступа мигрени. На всех присутствующих это произвело большое впечатление. Никиту стали наперебой зазывать в разные программы, и теперь он весьма известный телемаг. Перфилов открыл собственный салон, где стучит в бубен и раздает предсказания тем, кто готов заплатить хорошую сумму. Елена Львовна подружилась с ним, он частый гость в ее доме.

Про Асю Мухину, мастерицу печь пироги-пирожные, я уже рассказывала.

Женщина в розовом – Вероника Никитина, профессиональная сваха. По информации, нарытой Пановым, она гениально подбирает пары, осечек у нее не бывает. Ника отличный психолог и обладает даром убеждать людей. Допустим, к ней придет пятидесятилетняя матрона с параметрами сто сорок – сто сорок – сто сорок и заявит:

– У меня нет своего жилья, работы, я хочу удачно выйти замуж за тридцатилетнего мачо, владельца нефтяного бизнеса, без детей, бывших жен, сироту с многоэтажным домом в Подмосковье, особняками в Италии-Испании-Франции. И чтобы он страстно любил меня до гроба!

Никитина никогда не спросит: «Милая, ты белены объелась?»

Нет, Вероника кивнет и через некоторое время познакомит мадам с приятным пенсионером, бывшим военным, обладателем небольшой «двушки», дачки на шести сотках и симпатичной бюджетной иномарки. Думаете, мечтавшая о неземном красавце женщина закатит скандал? Вовсе нет! Отбывая в свадебное путешествие в Турцию, клиентка будет обнимать-целовать ловкую сваху, а потом порекомендует ее своим неокольцованным подружкам.

Поняв, что начинаю засыпать, я встрепенулась. Тело под комбинезоном почему-то перестало чесаться, злость на Егора испарилась, зато проклюнулась тревога. Степа, тебе не следовало надолго покидать гостиную, иди быстрее назад! Ведь неизвестно, что еще наговорит жених в отсутствие невесты!

Я попыталась встать, но потерпела неудачу. У пуфика не было ни спинки, ни подлокотников, опереться оказалось не на что. Попытка оттолкнуться от «пончика» ни к чему положительному не привела, он был очень мягкий, руки проваливались в обивку, как в слегка подтаявший холодец. Я решила немного

сползти вниз и упереться ногами в пол… Но не тут-то было! Пуфик цепко держал меня. Создавалось ощущение, что я попала в вязкое желе, которое облепляет тело, не дает двигаться. Мне стало весело. Надо спросить у хозяйки, где она приобрела замечательное изделие, и купить такое же. Поставлю его в своей квартире, буду усаживать туда приятелей и смотреть, как они освобождаются из объятий нежного капкана.

Внезапно из глубины дома донесся звон бьющейся посуды, затем раздался чей-то взвизг, потом смех, за которым последовал громкий крик: «Ксанья! Ксанья!» Послышались быстрые легкие шаги, мимо меня пробежала темноволосая невысокая девушка в черном комбинезоне. Она пронеслась с бешеной скоростью, и я не успела ее остановить, заметила лишь, что у нее азиатские черты лица.

Хорошее настроение испарилось. Как же мне встать?

И тут из коридора показался мужчина в дешевых мятых брюках и старом вытянутом пуловере. Он подбежал ко мне и начал невнятно что-то говорить. Мне понадобились несколько секунд, чтобы понять его.

– Где она? Где подвал? – спрашивал он.

Белка называет таких людей «мальчик с кашей во рту». Ну почему родители не отводят вовремя своих детей к логопеду?

– Ты не Ксанья, – буркнул незнакомец. – Ты кто? Горничная, да? Видела, куда удрала Ксанья? Говори, куда она умчалась! Говори, где идиотка Ксанья? Отвечай!

Я растерялась, но попросила незнакомца:

– Дайте, пожалуйста, мне руку.

– Сейчас я тебе ногой вмажу! – неожиданно схамил он. – Где прячут тяпку?

– Что? – не разобрала я. И повторила: – Вам не трудно помочь мне встать?

– Дурой прикидываешься? – прошипел хам. – Сейчас найду их… Мерзкая дрянь! Я в курсе, чем вы тут занимаетесь!

Завершив фразу, дядька резко наклонился. Я испугалась, попыталась повернуться на бок, но пуфик не позволил. Лицо мужика нависло надо мной, в нос ударил запах самого дешевого одеколона российского производства. Незнакомец прищурился, сжал губы в нитку, выругался, выпрямился и исчез из зоны видимости. Я осталась лежать в прежней позе, пытаясь побороть сердцебиение. Кто это был? Мне показалось, или мужик на самом деле собирался пустить в ход кулаки? Надо живо убираться отсюда, пока грубиян не вернулся.

Я принялась отчаянно барахтаться и услышала тихий голос:

– Попала в плен? Никогда не садись на сун мо.

Пришлось оставить тщетные попытки выкарабкаться, посмотреть влево и спросить у милой шатенки примерно моих лет, неслышно подошедшей ко мне:

– Извините, наверное, я по-дурацки выгляжу. На сун что?

– Привет, – улыбнулась девушка. И повторила: – На сун мо. Елена Львовна купила эту хрень у Петра Шаповалова, дизайнера. Он велит звать себя Пер Шап, утверждает, что родился в Шанхае, в семье китайского волшебника.

– Прикольно, – хихикнула я.

– Ага, – согласилась незнакомка. – У Пер Шап тяжелая судьба – враги убили его родителей, а ему, трехмесячному младенцу, удалось бежать.

– Скорей уж уползти, – засмеялась я.

– Сирота вырос, делает теперь уникальную мебель по старинным монгольским чертежам, – продолжала незнакомка.

– Вы же говорили, что он родом из Китая, – поправила я.

– Знаю, – подтвердила шатенка. – Просто повторяю рассказ мебельщика. Подозреваю, что он считает Китай и Монголию единым государством. Некоторые люди, чтобы выделиться из толпы, придумывают себе интересную биографию, в которой очень часто мало правды. Уверена, Шаповалов не имеет ни малейшего отношения к тем, кто живет за Великой Стеной. Он просто воспользовался любовью Елены Львовны к Востоку, вот и приврал чуток. Но Петр умеет мастерить оригинальные штучки. Сун мо – кресло-ловушка. Если в твой дом приходит плохой человек, усади его с ласковой улыбкой в западню и беги за оружием – без посторонней помощи недруг не сможет встать. Уж не знаю, как дизайнер этого добивается, но сун мо обладает гипнотическим даром – едва видишь пуф, сразу хочешь на него плюхнуться.

– Зачем Елена Львовна установила его в холле? – пропищала я. – К ней часто заглядывают враги?

– Сначала сун мо располагался в гостиной. Несведущие люди на него садились и оказывались в том же положении, что ты сейчас, – пояснила девушка. – Правда, я и здесь, в холле, плененных нахожу. Ладно, попытаюсь тебя выковырнуть.

Я протянула шатенке руки.

– Спасибо. Дергайте сильней.

Но та отказалась от моего предложения.

– Нет, так не получится. У меня не хватит сил тебя вытащить. Зато я сама умею вылезать из сун мо. Поэтому нам остается единственный вариант. Не пугайся, сейчас тебя подбросит вверх. Тогда быстро сгибайся в пояснице, вытягивай вперед руки и очутишься на полу. Готова?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Большое яблоко – самое известное прозвище Нью-Йорка, появившееся в 20-х годах прошлого века. По одной из версий, оно возникло в среде джазовых музыкантов, которые говорили: «На дереве успеха много яблок, но если тебе удалось завоевать Нью-Йорк, ты получил Большое яблоко». (Прим. автора.)

2

Ситуация, о которой вспоминает Степа, описана в книге Дарьи Донцовой «Княжна с тараканами», издательство «Эксмо».

3

С вами – испорченный французский.

4

В кабине путешествовать не смогу – до невозможности исковерканный немецкий.

5

История, как Степанида стала собственницей апартаментов, рассказана в книге Дарьи Донцовой «Княжна с тараканами», издательство «Эксмо».

6

Ассансер – лифт, испорченный французский. (Прим. автора.)

7

Эту историю читайте в книге Дарьи Донцовой «Укротитель медузы Горгоны», издательство «Эксмо».

8

Лекарства с таким названием не существует.

9

О знакомстве Степаниды с Филиппом Корсаковым рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Княжна с тараканами», издательство «Эксмо».

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/hischnyy-alen-kiy-cvetochek

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить